

ОЛЕГ КОЖЕВНИКОВ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Боевая фантастика (АСТ)

Олег Кожевников

Великий князь

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кожевников О. А.

Великий князь / О. А. Кожевников — «АСТ», 2018 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-107855-3

Молодой учёный сделал открытие – ну что же, бывает. Но ни он, ни его приятель, принявший участие в, казалось бы, безобидном эксперименте, даже и не догадывались о последствиях своего безответственного решения. А эти последствия были грандиозными – они изменили жизнь не только самих ребят, но и историю их родины, да и всего человечества. Читайте о невероятных событиях, произошедших в России после переноса сущностей наших современников в тела великого князя Михаила Александровича и его секретаря Джонсона.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107855-3

© Кожевников О. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Кожевников

Великий князь

© Олег Кожевников, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Сашины глаза светились нездоровым возбуждением. Если бы я его не знал, то однозначно подумал бы, что встретил не своего друга, а пробравшегося в наш НИИ пациента какого-нибудь дурдома. Или маньяка, не спавшего несколько дней и ищущего свою очередную жертву. Именно это можно было предположить, когда как только я переступил порог лаборатории, Кац кинулся ко мне, схватил за рукав халата и заорал:

– Я всё понял!.. Долговременная информация откладывается не в переднем, среднем или в ромбовидном мозгу, а в лобной кости самого черепа!

Выкрикнув это, он уставился на меня жутким, немигающим взглядом. В голове вспыхнула мысль: «Совсем мужик ошалел от работы, спасать нужно парня!» А как спасать-то? Остаётся применить средство «С» – спиртягу то есть. Запас этого средства у меня был с собой – только сегодня отлил в небольшую фляжку, закреплённую в потайном кармане. Эта жидкость была настоящей валютой в нашем НИИ – всё что угодно можно было выменять и оплатить ею, любую услугу работника, занимающего должность ниже завлаба. У которых должность выше, организмы уже отравлены спиртягой, и они свои стрессы заливают коньячком. А нужные услуги получают на халяву (согласно штатному расписанию и в силу свойственного их подчиненным инстинкта самосохранения).

К сожалению, я не завлаб, не имею административного ресурса, и приходится всё в нашем институте буквально прогрызать, вернее, заливать дурно пахнувшей жидкостью. А что вы хотите – на технические нужды выделяется не амброзия класса «люкс», а всего лишь технический спирт группы Б (в общем, это тоже спирт, но с добавлением разных противных и вонючих присадок). Хотя институтские умельцы и разработали технологию, как из синюшной жидкости, выдаваемой на производственные нужды, получать нечто похожее на амброзию, но это требовало много оборудования и, самое главное, отдельного помещения. Конечно, такую личную перегонную лабораторию можно было замутить, но только при одном условии – если бы мне выделялось в месяц хотя бы несколько литров спирта, а с лимитом в семьсот миллиграммов это было смешно. Тем более половину этого приходилось использовать в производственных целях. Ну никак не получалось заставить правильно работать оборудование, если перед сборкой не протереть самые важные узлы спиртом. Я, в отличие от моих друзей, был технарь и являлся всего лишь обслуживающим персоналом для их умных голов. Вот реабилитацией одной такой умной головы мне и пришлось заняться.

Глянув по сторонам и убедившись, что в лаборатории никого, кроме нас, нет, я заговорщицки подмигнул Саше и прошептал:

– Шурикан, твой босс уже свалил домой после трудового дня?

– Естественно, сегодня же пятница – святой день! Все сотрудники лаборатории, наверное, уже стоят кверху задом, обрабатывая грядки на своих фазендах. Ну а меня, одинокого бобыля, не имеющего своего надела, как обычно оставили дежурным по лаборатории. Михайч, пользуясь тем, что он завлаб, вообще умотал сразу после обеда.

– Это гут! Значит, ты теперь здесь главный босс! Можно расслабиться и начинать операцию «С». Охрана вымуштрована, и хрен сюда заявится. Можно хоть до понедельника заниматься нашими научными изысканиями.

– Ты что, Михась, совсем сбрендил? Какая это ещё операция «С», и что ты имеешь в виду под научными изысканиями?

– Ну как что? Нужно же обмыть твои гениальные выводы о том, что память структурирована в самой толстой части костей черепа!

– Что, не веришь?

– Почему же? Конечно же верю! Но этот гениальный вывод требуется срочно закрепить в моей лобовой кости, а спирт для этого самое то. Давай мечи на стол всё, что есть съестного в вашей богадельне, а средство для закрепления в черепушке твоего открытия будет за мной.

Как обычно, в нашем НИИ мужская половина МНС¹ всегда приветствовала желание владельца жидкой валюты поделиться ею с товарищами. Тем более когда начальство отсутствовало. И, как правило, в холодильниках можно было найти кусок колбасы и что-нибудь для уничтожения мерзкого послевкусия от употребления коктейля с техническим спиртом. В нашем случае это оказалась литровая банка маринованных помидоров. Так что поляна для чествования гениального открывателя функционирования долговременной памяти биологических объектов была подготовлена за три минуты. И всё это благодаря моему красноречию о, безусловно, эпохальном открытии, сделанном Александром Аркадьевичем, а для друзей просто Кацем (первый слог от фамилии Кацман). Вот что делает доброе слово, даже с одержимым человеком.

После первой дозы институтской амброзии маньяк начал превращаться в человека. Саня уже мог говорить не только о костях черепа, но и о женщинах. А их лаборантка Танюша меня очень интересовала. Я грамотно направил разговор на сотрудницу Сашиной лаборатории, в первую очередь, кто ей звонит и как часто. Разговор на интересующую меня тему продолжался до третьей дозы, а потом маньяк опять оседлал мозг Саши. И на этот раз одержимость под воздействием алкоголя приобрела активную форму. В моём друге проснулась активность и желание доказать мне, что его выводы не плод воображения, а факт, который можно доказать экспериментом. Он после пафосной, можно сказать, Нобелевской речи, кинулся к стоящему невдалеке агрегату, напоминающему обычный медицинский томограф, щёлкнул тумблером, включая его, а затем так же стремительно метнулся к полкам, где были выставлены различные виды черепов. Задержавшись там несколько секунд, по-видимому выбирая подходящий объект для исследования, он, схватив даже не череп, а какую-то большую кость, направился обратно, при этом поясняя мне суть предстоящего эксперимента:

– Михась, ты будешь первым человеком, который заглянет в доисторические времена. Этой лобной части черепа динозавра несколько десятков миллионов лет. Конечно, ты увидишь тот мир урывками и только те моменты, которые отложились у этой тупой твари в черепе. Но всё равно это грандиозно. Любой антрополог душу дьяволу продаст, чтобы оказаться на твоём месте.

И Саша жутким образом усмехнулся.

До этого у меня не было никакого желания потакать безумству Каца и участвовать в его сомнительных экспериментах. Хотел просто душевно посидеть, снять с парня стресс и потом разойтись по домам. Но после жуткой ухмылки я понял, что мой такой стройный план с треском провалился. Придётся участвовать в безумном Сашином эксперименте, а то этот маньяк может и запулить в меня здоровенной костью, которая сейчас у него в руках. Я, конечно, попытался снять с парня морок, предложив:

– Слушай, дружище, давай ещё по дозе, а потом и будем экспериментировать!

Но в ответ услышал:

– Хватит болтать! Не мужик, что ли? Садись вон в то кресло, надевай шлем, лежащий на нем, и расслабляйся. Если хочешь, можешь перед этим принять дозу, а мне нужно делом заниматься, – сам понимаешь, оператор не имеет права во время эксперимента намудрить с компом.

«Ну что же, сам потакал Саше, вот теперь и расплачивайся», – так думал я, безропотно направляясь к креслу, указанному моим другом. Лежащий на нем шлем для восприятия виртуальной реальности я сразу узнал. Ещё бы не узнать свою работу – почти месяц я мучился,

¹ Младший научный сотрудник.

монтируя это изделие, и извёл на него спирта больше, чем употребили мы с Кацем за этот вечер. Так что шлем был привычный, и я не раз его примерял. Правда, надевал это громоздкое изделие чуть медленнее, чем свой мотоциклетный шлем. Сейчас тоже надел его достаточно быстро, после чего начал поудобнее устраиваться в кресле. Решил воспользоваться рекомендацией Саши и расслабиться. Может быть, удастся даже немного подремать, пока этот маньяк занимается компьютером.

Расслабился я качественно, даже на часы не смотрел, настолько мне стало уютно на этом кресле. Шлем несколько не мешал, а наоборот, создавал ощущение изолированности от внешнего, такого суетного мира. Но покайфовать мне было суждено недолго. И внешним раздражителем опять послужил мой беспокойный друг. Он подошел к креслу, где я устроился, и начал бесцеремонно трясти мою голову, облаченную в шлем. Так я подумал, находясь в нирване, а когда окончательно вернулся в реальный мир, то понял, что Саша просто соединял штекерами шлем с проводами, идущими от своеобразного томографа.

Вот тогда мне стало несколько жутковато, я начал понимать, что это никакая не игра, а действительно научный эксперимент. И кто знает, чем он может закончиться? Ну не хотелось мне играть роль собаки Павлова. «Сволочь Кац, специально заманил меня, чтобы провести свой адский эксперимент», – начало вопить моё испуганное сознание. Но слишком долго я паниковал и придумывал способы мести коварному экспериментатору. Так как Саша уже соединил мой шлем с кабелями, идущими от томографа, добрался до компьютера и начал набирать что-то на клавиатуре.

Одним словом, весь мой запал и желание вскочить с кресла, сдёрнуть с головы этот долбаный шлем и натянуть его на голову Саши пропало. Впрочем, как и все другие желания. Мне стало так хорошо, что абсолютно ничего делать не хотелось. Даже пошевелиться и то было лень. Перед глазами мелькали зелёные и жёлтые полосы. Но наконец глазам удалось сфокусироваться, и я увидел гигантскую поляну растущих маков. Они уже полностью созрели, некоторые коробочки начали лопаться и кое-где желтеть. Практически из всех коробочек выделялась белёсая жидкость. По-видимому, маки начали созревать совсем недавно, и яркое солнце не успело ещё высушить эти выделения, да и сами коробочки. Кайф-то какой, и я просто нырнул в заросли этой амброзии. Нырнул и провалился в нирвану.

Из блаженного состояния меня вывел всё тот же чёртов Кац. Эта зараза нарушила мою нирвану варварским способом. Что снял с моей головы шлем, это ладно (все-таки эксперимент закончился), но этот гад начал хлестать своими мерзкими ладонями по щекам. Я, конечно, вышел из блаженного состояния и попытался услать это исчадье ада подальше – в его мерзкий мир. Но этот маньяк не унимался и вдобавок ко всему вылил на мою бедную голову стакан холодной воды. Вот тогда я окончательно вышел из нирваны в реальный мир и разразился целой серией матерных выражений в адрес моего мучителя. Саша совершенно не обиделся на мои слова, а даже наоборот, обрадовался, что я ругаюсь, заулыбался и облегчённо произнёс:

– Ну, слава богу, очнулся! Уже, наверное, полчаса я тебя тут реанимирую, а ты только зенками своими хлопаешь и идиотски лыбишься. Во как тебя хронограф зацепил! Давай рассказывай, что ты видел в мезозое глазами динозавра?

– Что-что... – сволочь ты, вот что! Обездвижил человека и пользуешься его беспомощностью – лупцуешь по щекам почём зря.

– Да ладно!.. Кто же знал, что ты такой впечатлительный и обалдеешь от получаемой в подкорку информации. Вон я или, допустим, Танька уже раз по пять погружались в прошлое, и ничего. Правда, в такое глубокое прошлое, как мезозой, никто ещё не погружался. Так что давай рассказывай, что ты там видел на заре времён?

– Как же рассказывай! Ты сначала прими душевно человека, посетившего мезозой, – спиртяги там налей, закусить дай, а потом уже и спрашивай! Да и вообще полотенце давай!

Пока Саша ходил в санузел за бумажными полотенцами, я судорожно придумывал, что бы мне такое сказать по результатам эксперимента. Не буду же я рассказывать о маках, которые видел глазами динозавра. Банально это, как на каком-нибудь дачном участке, нет изюминки эпохи мезозоя. Вот если бы увидел падение гигантского метеорита, изменившего климат Земли, в результате чего и вымерли эти самые динозавры... Это было бы да! Настоящая информационная бомба, которую так ждёт этот маньяк. А маки в мезозое это для него тьфу, мелко как-то. И гигантская поляна, где растут только маки, для таких людей, как Саня, неинтересна. Вон в Афганистане этого мака хоть задом жуй.

Мысль об Афганистане и о дури, которую оттуда гонят к нам, сразу же направила мои размышления на другое – естественно, на наркотики и на то, какое воздействие они оказывают на человека. Блин, да этот же динозавр, ощущения которого транслировал в мои мозги хронограф, был конченный нарик. Покушал вкусной травки и получил свою дозу дури, от которой и кайфовал. Отсюда и ужасная лень и нежелание куда-то двигаться. А зачем, если и так хорошо? Полное довольство жизнью, вот моё, пожалуй, единственное впечатление от сеанса сканирования долговременной памяти, отложившейся в лобной кости черепа динозавра. А пожалуй, это прокатит перед Сашей. Он млет будет, когда узнает, что мне удалось влезть в память динозавра. Это я думал, что состояние наркотического опьянения получил под воздействием токов хронографа, а маньяк Саша будет уверен, что на меня воздействовало состояние динозавра. От которого осталась только эта уже окаменелая лобная часть черепа. Думаю, после моего открытия из Саши можно будет вить верёвки и наконец-то спокойно посидеть и поговорить о его лаборантке Танюше.

Когда Кац появился, держа в руках полотенце, я воскликнул:

– Эврика, я всё понял!

От этого выкрика Саша резко остановился, при этом чуть не выронив полотенце. В сердцах выругался и всё ещё сердитым голосом спросил:

– Что понял? Давай рассказывай, что видел?

– Видел я немного, но понял всё! Теперь знаю, почему эти монстры вымерли.

– Так это любой дурак знает – похолодало, вследствие этого образовалась нехватка пищи, и гиганты, которым нужно кошмарное количество растительной массы, от голода и вымерли. К тому же рептилии холоднокровные, а значит, не могут поддерживать тепловой баланс организма. Один раз выпал снежок и всё – это уже не живые организмы, а горы мяса.

– Ладно, великий знаток эволюции, давай полотенце, а то замёрзну, как динозавр в мезозойскую эру. Окно-то открыто, а на улице дождь собирается и похолодало. Совсем не здорово сидеть на сквозняке с мокрой головой.

После того как вытерся, я потребовал продолжения банкета. И только употребив дозу, начал подробно рассказывать, что видел в процессе эксперимента, свои ощущения и выводы, которые я сделал.

Вывод, что динозавры вымерли из-за лени, которая их обуяла после употребления маковой соломки, был осмеян. Мой друг, закончивший биофак МГУ, от смеха чуть не упал со стула. Но когда он обозвал меня неучем и тупицей, я закусил удила и начал ему доказывать, иногда переходя на крик, что динозавры вымерли именно из-за употребления наркотиков. И мои выводы гениальны и достойны Нобелевской премии. Ещё бы так не утверждать после употребления спиртяги, да когда твоё эго опускают ниже плинтуса. Пусть этот умник будет рад, что я не применил свой знаменитый хук слева. С моей стороны весь этот базар и ругань, конечно же, были наиграны – просто душила элементарная обида. Ведь я и сам думал, что Саша прав, а мои ощущения во время эксперимента были вызваны неведомыми электрическими или магнитными полями. Я недавно раззявил рот во время работы и получил весьма ощутимый удар тока – даже в голове поплыло. Вот, наверное, после этого и стал восприимчив к воздействию электричества. Вон даже кайф начал ловить от всяких там токов Фуко!

Между тем мои слова не на шутку раззадорили Сашу. Так как словами ему никак не удавалось убедить меня в своей правоте, то он язвительно улыбаясь, предложил:

– Слушай, Мымрик, а давай фактами будем оперировать – проведём ещё один эксперимент. Возьмём череп не животного, а человека из недалёкого прошлого. Если во время погружения в его воспоминания ты опять начнёшь нести туфту, то тогда с тобой всё ясно – ты балдеешь от электрических полей, присутствующих в виртуальном шлеме.

– А давай! Я готов ради науки на всё! Только с тебя после эксперимента кабак, и чтобы на этом праздничном ужине присутствовала твоя лаборантка Татьяна. Нравится мне эта девчонка. Ты, надеюсь, не против, если я с ней «амуры» закручу?

– Да ради бога – совет вам да любовь!

После этих слов Кац довольно мерзко засмеялся, но я пропустил этот издевательский смех мимо ушей – ведь главной цели я добился. А дальше мы начали обсуждать – какой же из имеющихся человеческих черепов будем сканировать. По словам Саши, только один из образцов можно было без предварительной подготовки загрузить в камеру хронографа. У этого черепа чуть ли не половина теменной и затылочной части отсутствовала, но зато лобная кость была в идеальном состоянии. Всё это позволяло сканерам хронографа беспрепятственно обследовать внутреннюю поверхность лобной части черепа. Так что выбор объекта для исследования был невелик, и наше обсуждение продлилось всего несколько минут. И львиную долю этого времени я выяснял, откуда взялся этот череп в лаборатории моего друга.

Оказывается, его прислали из Перми с просьбой реконструировать внешний облик человека, которому раньше принадлежал этот череп. Лаборатория Саши и этой проблематикой тоже занималась. Конечно, руководство института такую реконструкцию поручало лаборатории проводить только в исключительных случаях, но этот и был таким. Речь шла ни много ни мало об идентификации останков брата императора России Николая II – Михаила Александровича. По мнению поисковиков, обнаруживших тайное захоронение двух человек, этот череп вполне мог принадлежать Михаилу Александровичу Романову. Пермскими энтузиастами было проведено целое расследование по судьбе брата императора. Тайному похищению и убийству великого князя и его секретаря Джонсона. Собранные материалы показывали, что это преступление было совершено в ночь с 12 на 13 июня 1918 года. И это было не ограбление или спонтанная акция каких-нибудь отморозков, а продуманная операция большевиков по ликвидации всех представителей дома Романовых. Эта операция была проведена по заранее разработанному плану группой сотрудников ЧК и милиции города Перми, где Михаил Александрович отбывал ссылку.

Многие детали этого эпизода начала гражданской войны так и оставались неизвестными, вот помимо прочего мне и следовало обратить особое внимание на сканирование последних эпизодов, отложившихся в долговременной памяти исследуемого объекта. Да и вообще нужно было в обязательном порядке выяснить, принадлежал ли этот череп Михаилу Романову. Выслушав это цэу от Саши, я хмыкнул, но ничего не сказал – нельзя было ставить на кон вырванное у Каца обещание устроить празднование его гениального открытия в узком кругу в лучшем ресторане города. Да ради встречи с Танюшей в такой камерной обстановке можно было поработать на благо Сашиной лаборатории.

Пока гениальный МНС возился с оборудованием, я решил перед погружением в эксперимент подышать свежим воздухом и подошёл к открытому окну. Начинало темнеть, но не из-за того, что день заканчивался, а из-за мощной, почти чёрной грозовой тучи, накатывающейся на город. По всему выходило, что спешить домой не стоило. Собирался мощный ливень, и его лучше переждать в помещении. Так что можно было спокойно расслабиться в знакомом кресле и действительно внести свою лепту в прогресс науки. А как я мог внести свою лепту? Да очень просто – выбросить из головы всякую чушь о приятном вечере с Татьяной и сосредоточиться на деле. Кто знает? Может быть, наше копошение это действительно прорыв в науке.

Проведя с собой такой аутотренинг, я решительно отвернулся от окна и направился к креслу напротив хронографа. Шёл я под раскаты грома – на улице всё-таки разразилась гроза. Но я даже и не подумал закрывать окно. С улицы в затхлую атмосферу лаборатории так приятно шёл поток свежего, бодрящего, слегка охлаждённого воздуха – никакой кондиционер не мог этого достичь.

Глава 2

Мои ощущения при погружении в мозг человека кардинально отличались от предыдущего эксперимента. Никакой эйфории, а только непонятная нарастающая тревога и какой-то калейдоскоп мелькающих жёлто-белых полос, но он замедлялся. По-видимому, внутреннее зрение начинало адаптироваться, и можно было надеяться, что вскоре я увижу картинки из прошлого. Я и надеялся на то, что эксперимент окончится успехом, и по итогам его я смогу утереть нос этому самоуверенному МНС. А то этот паршивец мажет, что мой мозг получает кайф от блуждающих в шлеме токов Фуко. Но вскоре я перестал анализировать скорость мелькания полос, тревога начала перерастать в панику. И только я собрался самостоятельно сдёрнуть этот чёртов шлем, как перед моим внутренним взором мелькнула яркая вспышка, всё тело до последней клеточки пронзила дикая боль, и я провалился в безвременье, в беспамятство.

...Очнулся так же неожиданно – дикая боль ушла, но на душе было мерзко, тело ужасно чесалось, а уши заложило визгливое женское кудахтанье. Я подумал: «Откуда в лаборатории взялась такая визгливая и скандальная баба?» И открыл глаза, чтобы понять, что же всё-таки происходит? Действительно – женщина присутствовала. А вот с миром и со мной было всё не так, и не в виртуальном пространстве, а в реале. Во-первых, я почему-то лежал на спине и не на полу лаборатории, а на диване. Шлема на голове не было. Комнату, где стоял этот диван, я видел первый раз, и она не могла находиться в нашем институте. Мебель совершенно не соответствовала государственному научному учреждению. Не стоят, даже в богатых госструктурах, антикварные пуфики, шкафчики и секретеры, наверняка стоящие баснословных денег. Во-вторых, платье на тётке было явно винтажное, а значит, не из дешевых. Да и на мне была надета жилетка с серебряной цепочкой, идущей из маленького кармашка, в котором наверняка находились старинные часы. А такой гаджет стоил больше, чем мой байк вместе со всеми кожаными прикидами. Одним словом, я оказался в непонятной комнате, одетый в нелепую одежду и без шлема на голове. А совершенно незнакомая тётка, склонившись над моей головой, что-то быстро-быстро говорила – можно сказать, причитала. Смысла слов этого речитатива я что-то не улавливал – так, отдельные возгласы и часто повторяющееся выражение «Господи, помилуй».

Мозг анализировал ситуацию и окружающую обстановку только в первые секунды после того как я очнулся, а потом он взорвался – всё моё существо охватила паника. Я уже ничего не мог анализировать и вести себя, как исследователь и первооткрыватель. Смог только каким-то хрипловатым голосом, с нотками ужаса, воскликнуть:

– Где я, что случилось?

Женщину ничуть не удивил мой выкрик. Она даже обрадовалась этой неадекватной реакции. Тут же перестала причитать и со счастливой улыбкой на лице всё тем же пронзительным, но теперь ставшим приятным голосом ответила:

– Слава богу, Михал Александрович, очнулись! А я уж так испугалась, что мочи нет! Молния шарахнула в окно, около которого вы стояли, наблюдая за грозой. Я как раз принесла вам чаю и хорошо видела, как в окно залетел круглый такой, сверкающий кусочек от молнии и, зацепившись за подоконник, взорвался совсем рядом с вами. Вот вы и упали прямо на паркет. Я сразу Ивана крикнула, и мы вместе с этим оболтусом положили вас на диван. Потом он побежал за дохтуром, а я вот положила вам на голову холодный компресс и, взяв с секретера газету, обмахиваю ей своего благодетеля вместо веера, и молюсь, конечно.

Действительно, женщина сжимала в руке довольно толстую газету, и хотя я в неё не вглядывался, но мне всё равно бросился в глаза непривычный шрифт. А именно то, что там присутствовала буква ять. У меня же паника выбила всё соображение, так что эта деталь даже наоборот заставила мозги шевелить извилинами. А чтобы активизировать этот процесс, рука привычно потянулась почесать затылок и наткнулась на влажную тряпку. «Ага, вот он и ком-

пресс, о котором говорила тётка», – подумал я и с раздражением выкинул влажный платок прямо на пол. А затем рука всё-таки потянулась закончить начатый процесс, и опять я получил удар по уже ослабленной психике. Вместо привычной шевелюры пальцы ощутили какую-то лысину. «А-а-а... – завопил внутренний голос, – это не я, это не моё тело, и реальность тоже не моя!» Но это была последняя истерика моего сознания. Разум понял, что истерия ни к чему хорошему не приведёт – жить-то хочется даже и в чужом теле.

После этой панической атаки я начал холодно анализировать все факты и причины, затолкавшие меня в эту ситуацию. Однозначно это следствие нашего эксперимента. Что-то пошло не так. Вместо того чтобы просто заглянуть в прошлое, моя сущность сама оказалась там. Чёртов Кац создал не сканер, заглядывающий в память изучаемого объекта, а портал перемещения в тела умерших. Ещё повезло, что моё «я» оказалось не в мозгу динозавра, а в теле человека. Спусковым крючком этого перемещения наверняка явилась молния. Во время эксперимента была гроза, а окно в лабораторию было открыто, и шаровая молния вполне могла попасть в помещение. Здесь же во время грозы объект, череп которого исследовали, подвергся воздействию шаровой молнии. По-видимому, шаровые молнии взорвались одновременно в разных реальностях, а в этот момент хронограф поддерживал мою ментальную линию, которая сканировала долговременную память объекта исследований. А тут раз... короткое замыкание, и мой разум остался, вернее, вселился в ту личность, череп которого сканировал хронограф. «Ну что, вроде бы логично, – подумал я, – пожалуй, оставляем это как основную гипотезу появления моей сущности в этом теле».

Вопрос, в кого вселилась моя сущность, ясен. Наверняка это Михаил Александрович – великий князь, брат императора России Николая II. Мы же сканировали его череп, по крайней мере, пермские поисковики, нашедшие захоронение, были в этом уверены. Да и по обстановке комнаты, в которую я попал, можно утверждать, что тут живёт не простой человек. К тому же тётка, которая увидела, как в комнату влетела шаровая молния, разговаривала со мной подобо-бостранно и назвала Михаилом Александровичем. Вернее, Лександровичем, но так, наверно, принято у неё в деревне. Чай, не дворянка, что с неё взять? Зато услужливая, внимательная и заботливая. А я-то каков – самая что ни на есть голубая кровь! Из грязи, как говорится, в князи! Я внутренне усмехнулся, а затем, но уже в реале поёжился, вспоминая череп великого князя. Как этому супер-пуперу, хозяину жизни с голубой кровью, парнишка с рабочих окраин Перми, служащий в ЧК, двумя выстрелами в упор снёс половину черепа. И всё, нет больше великого князя. Когда читаешь о таких событиях в исторических книгах, то понимаешь, что такие трагедии происходили давно, и в общем-то тебе это всё по барабану. А тут именно тебя будут убивать, и ты знаешь, когда это будет и где.

Этот вопрос так меня пронял, что я решил немедленно узнать, какой сейчас год и где я нахожусь. Вдруг великий князь уже выслан в Пермь и сейчас наряд ЧК получает разнарядку арестовать и уничтожить великого князя Михаила Романова. Вдруг этот долбаный хронограф забросил меня в последний день жизни обладателя черепа, который мы Сашей сканировали. Не факт же, что если Михаила убьют, то я автоматически перемещусь в своё тело. Скорее всего, нет – ментальная линия не установлена, спускового крючка в виде шаровых молний нет. Так что именно мне чекисты отстреляют полчерепа. Я скрипнул зубами и подумал: «Ну уж нет, не согласен я с таким раскладом. Драться буду с этими чекистами и просто так не дамся. Не желаю быть жертвенным бараном! И плевать мне на нарушение исторической линии – я её уже и так нарушил своим возникновением в теле Михаила. Не дам мужику сгинуть во имя сохранения привычной истории».

Под влиянием своих внутренних страхов я довольно нервно спросил:

– Какой сейчас год и где я нахожусь?

От моего вопроса у женщины даже лицо вытянулось. Чтобы её совсем не вводить в ступор, я пояснил:

– Молния всё-таки меня зацепила. Всю память отшибла – ничего не помню, как будто только родился.

Тётка прониклась этой бедой, жалостливо перекрестила бедолагу и ответила весьма подробно, даже о том, о чём я у неё не спрашивал:

– Так суббота сегодня, 9 августа 1916 года от Рождества Христова. Поздно вечером крестный ход, батюшка сказал, будет. Во славу русского оружия, чтобы православные одолели басурман проклятых. А вы в своей резиденции в Гатчине отдыхали после долгой дороги с фронта. Вчера приехали с войны, а тут такая напасть. Дохтур сказал, что вам волноваться нельзя, застарелая язва на фронте открылась. И кормить вас нужно только протёртым, и мясо по-мушкетёрски, которое вы так любите, ни в коем случае не подавать. И кофею нельзя, только чай, и то не крепко заваренный.

– Спасибо! Вот не помню только, как вас зовут. Совсем с головой плохо стало после удара этой молнии. Но зато желудок совсем не беспокоит.

– Слава Богу, Михаил Лександрович! Господь, он видит, кто хороший человек и кому помочь нужно. Вот он и послал молнию, чтобы она излечила ваш недуг и застарелая язва зарубцевалась. А что память барахлит и многое забыли, то это не беда – голова-то прочистилась от ненужных мыслей, и теперь вы по-новому на мир смотреть будете. Всяких там сицилистов и безбожников бомбистов прижмёте и потвёрже с народом будете. Добрый вы очень, а с этой шантрапой нельзя таким быть. Нужно быть таким же, как ваш батюшка – царствие небесное ему! А крестили меня Глафирой, как и множество других русских баб. А вы всегда меня звали по-простому – Глашкой. Одногодки ведь мы с вами, в 1878 году родились, только вы 4 декабря, а я в марте. Мне тоже в этом году тридцать восемь годков стукнуло.

Эта информация подстегнула моё отчаянье, опять начала сгущаться туча панической атаки. Ещё бы, вот так взять и потерять пятнадцать лет жизни. Я-то даже и не думал, что судьба закинула меня в тело, можно сказать, старика. Всех, кому было лет сорок, я относил к пожилым людям. Ещё час назад мне было двадцать три года, а сейчас уже тридцать восемь. Да у меня маманя почти такого же возраста. Ужасно и несправедливо всё это. Только недавно купил байк и ещё даже девчонок на нём не покатал, а тут уже о душе нужно думать и к пенсии готовиться. Я, конечно, знал, что Михаил далеко не юноша, но как-то после попадания в его тело о возрасте великого князя не задумывался. Даже тогда, когда на своей голове обнаружил не привычную копну волос, а какую-то залысину.

Отчаянье и дикая депрессия одолевали психику не меньше минуты, пытаюсь сломать стержень бытия. Такие терзания совсем были не характерны для меня в прошлой реальности. У прежнего Мишки была стабильная психика, и никогда не было склонности мотать сопли на кулак. Вот когда служил в армии, мне один штабной писарь рассказал, что наш комбат, капитан Птичкин, когда представлял меня полковнику на назначение замкомвзвода, говорил:

– У сержанта Семёнова нервы железные, и вообще он парень рассудительный. Сначала подумает, а потом делает. Ну и что, что не контрактник и вскоре может на гражданку уйти! Вот и нужно таких ребят в армии оставлять – заинтересовывать карьерным ростом. Глядишь, он и контракт подпишет. А после этого его можно определить в школу прапорщиков, а затем смело назначать командиром взвода. Я бы хоть сейчас ему взвод доверил.

Несмотря на такое лестное мнение и протекцию комбата, я в армии не остался. Надоело бегать с автоматом, хотелось заняться серьёзным делом – научной деятельностью, например. Вот и занялся – поучаствовал в научном эксперименте на свою голову. Даже мои железные нервы не выдерживают такого эксперимента.

Наверное, воспоминания о службе в армии благотворно сказались на психике. Я перестал паниковать и сокрушаться об исчезнувших из моей жизни годах. По-любому жить было нужно, и оставаться не тряпкой, влажной от слёз и соплей, а бойцом, добивающимся своих целей. После этой внутренней накачки я начал думать, а какие же в сложившейся ситуации

мои цели. Однозначно главная – это выжить, не дать себя убить пермским чекистам. Отсюда вытекает задача – не допустить возникновения всяких там ЧК и вообще Октябрьской и Февральской революций как таковых. Получается, кардинально изменить историю России, а значит, и всего мира. Правда, можно тихо свалить из страны, наблюдая за процессом изничтожения моей родины, моего народа откуда-нибудь из Лондона. Тогда, скорее всего, история пойдёт своим чередом. А именно: революции, несомненно, случатся, великий князь, вовремя уехавший со своими деньгами из бушующей страны в тихую Англию или в далёкую Австралию, в один прекрасный момент получает альпенштоком по голове от совершенно незнакомого человека. Настоящие ленинцы ребята предусмотрительные и без сантиментов – не оставят они Романова, реального претендента на престол, в живых. Почему-то я уверен, что ледоруб снесёт именно ту часть черепа, которая отсутствовала в реальной истории. И всё, круг замкнётся – историческая линия избавлена от шероховатостей, Сталину и Гитлеру можно приходить к власти. Такой сценарий был весьма вероятен.

В общем-то, я был убеждён, что история вещь весьма инертная, и она, даже сделав зигзаг, возвращается на свою генеральную линию. По этой логике дёргаться вообще бессмысленно. Исходя из неё, нужно расслабиться и весь срок (а это всего лишь чуть больше года), который отпущен судьбой Михаилу Романову, попользоваться всеми ресурсами и привилегиями великого князя. А я уже знал, что, по моим меркам, Михаил был весьма богат, даже замок в Англии был весьма нехилый. И до войны Михаил сам там проживал. Когда по распоряжению императора России Николая II был уволен со всех должностей и постов, и даже получил запрет возвращаться на родину. А виной всему была любовь. Да-да – любовь! Михаил Александрович, то есть я, женился без разрешения императора на разведёнке – Наташеньке, урождённой Шереметьевской Наталье Сергеевне. А как тут было не жениться, если у нас после бурного романа в 10-м году родился сын Георгий. Так что ко всему прочему я состоял в морганатическом браке. Ещё несколько минут назад я и не знал, что есть и такой. Пока передо мной не открылась память Михаила. Не вся, конечно, а только долговременная, по теории Саши, вбитая в лобную часть черепа. Может быть, её считал сканер хронографа и затем зафиксировал в моём сознании, но скорее всего, она сама нашла путь в сознание захватившей мозг Михаила сущности. Как бы то ни было, основные моменты жизни, вызвавшие наибольшие переживания, постепенно становились и моими воспоминаниями. Было интересно, как будто я просматривал в своей голове какой-нибудь блокбастер. В главной роли был, конечно, великий князь Михаил, вот только он всё время присутствовал за кадром, но зато транслировал на мой внутренний голос свои комментарии.

Из этого эпического фильма с эффектом присутствия, транслируемого моим воображением, я многое узнал о великом князе и о взаимоотношениях в доме Романовых. Не всё там было благополучно. Какое к чёрту благополучие, когда родные братья копают под императора. Во всём этом семействе был только один приличный человек, и это, конечно, Михаил. Из его комментариев это становилось абсолютно ясно. И даже мнения других людей о великом князе в долговременной памяти Михаила отложились соответственные. Например, жене Натали её подруга, знакомая с людьми из ближайшего окружения Ники (императора Николая II), однажды принесла выписки из дневников генерала Мосолова и полковника Мордвинова касательно её мужа. Генерал написал о личности Михаила Александровича: «Он отличается исключительной добротой и порядочностью». А полковник выразил своё мнение о великом князе следующими словами: «У Михаила Александровича характер мягкий, хотя и вспыльчивый. Склонен поддаваться чужому влиянию... но в поступках, затрагивающих вопросы нравственного долга, всегда проявляет настойчивость!» Вот какое мнение сложилось у посторонних людей о великом князе, хотя Михаил с ними особо не контактировал и тем более не подкармливал их. Это подруга Натали с ними контактировала и весьма плотно, да

так, что они доверяли ей даже порыться в своих бумагах, и это несмотря на военное время. СМЕРШа на них нет, только любовь на уме.

Мелькнувшая злая мысль направила мои размышления несколько в другое русло. Нет, я не перестал думать о Михаиле Александровиче, но теперь начал воспринимать его жизнь как свою. И начал думать, как бы мне проскочить через эту историческую засаду. Но какие бы я комбинации ни разрабатывал, всё заканчивалось либо печально, с потерей части черепа, или совершенно нереалистично. К тому же все фантастические сценарии требовали уйму времени на подготовку. Не было у великого князя знакомых в криминальных кругах или близких друзей в спецслужбах. Да тут и спецслужбы были смешные, по крайней мере в Российской империи. Революционные структуры, несомненно, их переиграют и найдут нужного человека, тем более если он будет с семьёй, в любой точке мира. Так что бежать и прятаться не выход, нужно идти другим путём.

Чтобы лучше думалось, я под оханье Глафиры встал с дивана и подошёл к открытому окну, возле которого и произошла посадка моей личности в тело великого князя. Пусть аборигены думают, что это был удар молнии, этим можно объяснить те изменения, которые произошли в характере Михаила Александровича. А изменения сто процентов будут – ведь я не та рохля и благородный человек, каким был великий князь.

Только дошёл до окна, как дверь распахнулась, и в комнату буквально ворвалось несколько человек. Сразу стало шумно, а я, обернувшись, пытался узнать кого-нибудь из них, опираясь на сохранившуюся долговременную память Михаила. Ничего не получилось, в главную память эти люди не входили. Но когда за этой шумной компанией плавно всплыла женщина, у меня ёкнуло сердце. От этой женщины ко мне потянулся луч света и тепла. Даже если бы в долговременной памяти Михаила не сохранился её образ, я всё равно понял бы, что это его жена. Великий князь явно любил эту женщину, и в долговременной памяти было много эпизодов с участием Наташеньки – или Натика, как в интимной обстановке называл её Михаил. Что касается моей сущности, то кроме теплоты, жалости и желания спасти эту, в сущности, постороннюю для меня женщину, я ничего не чувствовал. И если честно сказать, то заниматься сексом с этой уже пожилой, по мерке Мишки из другой реальности, женщиной мне бы не хотелось. Да что там не хотелось, я со страхом подумал, что если мы останемся вдвоём, с меня потребуют исполнить супружеский долг.

Пока я так размышлял, вглядываясь в жену, ко мне подошёл представительный мужчина в пенсне и спросил:

– Михаил Алексеевич, как вы себя чувствуете? Мне передали, что в вас попала молния, и вы лежите без сознания!

– Да, по-видимому, попала, зацепила вернее! Состояние-то нормальное, но что-то с памятью случилось! Некоторые события, особенно судьбоносные, помню, а многие вещи из текущей жизни забыл. Последнее чёткое воспоминание – о встрече с братом, императором Николаем Вторым в ставке в Могилёве. Когда он в торжественной обстановке присвоил мне звание генерал-лейтенанта и назначил командиром Второго Кавалерийского корпуса.

– Понятно! – произнёс мужчина, определённо он был врач. Затем этот человек в пенсне с умным видом, приговаривая что-то по латыни, достал из своего чемоданчика пакетик с каким-то порошком и протянул его мне, говоря при этом: – Любезнейший Михаил Александрович, настоятельно вам рекомендую это средство для укрепления сосудов головного мозга. Кроме этого, оно улучшает общее самочувствие и благотворно скажется на вашем желудке. Его мне переслали из Харбина. Китайская медицина использует порошок из протёртого корня женьшеня очень давно, и результаты его применения просто поразительны. Принимать его нужно по два раза в день, утром и вечером. Прислуге скажите, чтобы приносили вам стакан кипятка, после чего сами завариваете в нём неполную чайную ложку порошка и, после того как вода станет тёплой, выпиваете этот своеобразный чай. Как мне написал китайский врач, лучше

всего, чтобы женишень заваривал сам пациент, тогда по его наблюдениям эффект применения порошка максимальный.

Естественно, я поблагодарил медика, тем более я слышал ещё в той реальности, какие чудеса творит отвар женишень. Спасает практически от всех недугов. Но тогда я даже и мечтать не мог лечиться таким дорогушим препаратом, а теперь вот пожалуйста – врач сам приносит болезному дефицитнейшее лекарство. Да, хорошо быть великим князем! Чтобы показать, что я буду выполнять рекомендацию медика, я, обращаясь к единственному знакомому в этом мире человеку, распорядился:

– Глафира, ты слышала, что сказал доктор? Давай-ка неси сюда стакан кипятка!

Экономка, или чёрт знает, как называлась её должность, тут же встрепенулась и произнесла:

– Сейчас сделаем, Михаил Лександрыч!

Но сразу она не пошла, а, обращаясь к троим стоящим рядом с ней мужчинам, по-видимому лакеям (одеты они были соответственно), сказала:

– Ну что встали, рты раззявив? Пойдёмте уже, нечего великому князю мешать!

Когда вся эта компания вышла, в комнате остались только доктор, моя жена и я. Когда я решил выпроводить и доктора, чтобы переговорить с Натальей, как медик взял инициативу в свои руки. Он безапелляционно заявил:

– Ну что, Михаил Александрович, давайте я теперь послушаю, нет ли шумов в лёгких. Да и как обстоит дело с вашей язвой – не мешало бы прощупать желудок. Пожалуйста на диван и снимите рубашку.

Ну что тут делать? Пришлось подчиняться медицине, тем более и жена подпевала доктору:

– Да-да, Мишенька, пускай Матвей Леопольдович ещё раз проверит твой живот.

Глава 3

Первоначально медицинский осмотр особо не напрягал, я даже с интересом рассматривал трубку, которой доктор прослушивал мои лёгкие. Когда он начал ощупывать живот в районе желудка, то разговорился и начал объяснять, почему пришлось столько ждать его прихода. Доктор находился не в госпитале, который был организован стараниями Натальи в нашей загородной резиденции, а в комнате секретаря великого князя Джонсона. Оказывал моему приближённому медицинскую помощь. По невероятному стечению обстоятельств того тоже поразила молния, и гораздо серьезнее, чем меня. И Джонсон всё ещё находится без сознания – вернее, введён посредством морфия в искусственный сон.

Этот рассказ доктора меня очень заинтересовал, и вместо того чтобы отпустить врача после внеочередного медицинского осмотра, я начал расспрашивать об этом происшествии. Периодически свои вопросы задавала и Наталья. Она посчитала эти удары молнии мистическим знаком, и все её вопросы крутились около этой темы.

Я в мистику не верил и расспрашивал про реальные факты, которые известны доктору о происшествии с Джонсоном. Выяснил, что мой секретарь Николай (великий князь звал его Коко, а при рождении Джонсон был наречён Брайаном) попал под удар молнии за полчаса до происшествия со мной. И это случилось не в доме, а в воротах каретного сарая. Он зачем-то во время грозы схватился за железную трубу, и в этот момент в сарай ударила молния. Там его и нашли без сознания, отнесли в комнату, в которой мой секретарь проживал, и вызвали врача. Джонсон получил довольно серьёзные ожоги, особенно руки, которой он держался за трубу. Боли от ожогов Николай испытывал страшные, и доктор для устранения их применил морфин. Пациент после этого быстро уснул, а тут новая напасть, дворецкий Иван прибежал в панике и кричит: «Великий князь лежит без памяти, срочно нужен доктор!» Одним словом, поставил весь персонал госпиталя на уши.

Меня мало интересовало, какие меры подготавливал персонал госпиталя, чтобы спасти великого князя. Поэтому легко отдал инициативу разговора с доктором жене Наталье, а сам погрузился в размышления. А именно о том, что вырисовывается очень интересная ситуация. Два человека, погибших одновременно, черепа которых прислали пермские поисковики в НИИ Мозга, для подтверждения того, что они принадлежали великому князю Михаилу Романову и его секретарю Джонсону, вдруг в этой реальности тоже практически одновременно подвергаются воздействию молнии и теряют сознание. Казалось бы, ну что тут такого? Вроде бы ничего, если не учитывать того, что в тело великого князя вселилась сущность человека из будущего, и всё это произошло не без участия молнии. А кто знает этого недоделанного гения Сашку, вдруг он нашёл ещё какого-нибудь дурака и отправил его вслед за мной, но уже в тело Джонсона? Конечно, эта гипотеза хромает на обе ноги, но чёрт знает этих гениев. Череп-то Джонсона в лаборатории был, оборудование в наличии, да и мотив для подсадки в тело Джонсона сущности из нашего времени тоже имеется. И наверняка это связано с моей судьбой. Ведь вполне возможно, моё тело в лаборатории осталось без сознания или превратилось в овощ. А это такой скандал, что там всю лабораторию разгонят, а не только накажут МНС, затеявшего не согласованный ни с кем эксперимент. Вот Кац и роет сейчас землю, чтобы найти меня и вытащить обратно. Это мысль так меня возбудила, что я прервал беседующих Наталью и доктора возгласом:

– Мне нужно немедленно переговорить с Джонсоном!

На что врач ответил:

– Помилюйте, Михаил Александрович, это сегодня никак не возможно! От той дозы морфия, которую я ему дал, Джонсон будет спать ещё часов восемь, не меньше. Вот завтра с ним и переговорите.

Врач, после того как я бесцеремонно прервал его беседу с Натальей, счёл эту ситуацию удобной, чтобы наконец завершить беседу о надоевшей ему мистике. Не дав моей жене даже вставить слово, он заявил:

– Ну что же, Михаил Алексеевич, не смею вам мешать. Вам после того, как выпьете лекарство, нужно будет отдохнуть. На сегодня лучше отложите все дела и раньше ложитесь спать.

Отдельно попрощавшись с Натальей, доктор вышел. И остались мы с женой вдвоём в одной комнате. По логике жизни, я должен был приглубить свою жену. Ведь Михаил ее, несомненно, любил, и хоть ночью они были вместе (этот факт остался в долговременной памяти), но великий князь всё-таки только вчера прибыл с фронта. Он долгое время не встречался с женой и просто обязан был по ней так соскучиться, что единственной ночи, проведенной вместе, наверняка им было мало. Всё это я прекрасно понимал, но преодолеть себя не мог. Была бы Наталья лет на десять моложе, я бы ей устроил любовное Ватерлоо, а так просто боялся опозориться – ничего бы у меня не получилось.

Поэтому я пошёл другим путём – начал жаловаться на плохое самочувствие, на то, что молния меня всё-таки зацепила. Начались охи да ахи. К счастью, это было недолго – вернулась Глафира, ходившая за кипятком, и жена переключила всё внимание на прислугу. Начала руководить процессом заваривания женишени. А затем, когда экономка ушла, на меня обрушился целый водопад петроградских сплетен. В отличие от предыдущей своей жизни, когда я не обращал внимания на сплетни, сейчас, наоборот, внимательно слушал эти непроверенные данные. В настоящее время это был единственный вариант получить информацию об этой реальности. Когда мне показалось, что информация начала повторяться, я, чтобы прервать этот поток слухов, опять начал жаловаться на плохое самочувствие. Этим хотел добиться, чтобы жена ушла, а я, оставшись в одиночестве, спокойно обдумал ситуацию, в которую попал после неудачного эксперимента, и последовательность своих действий. Но когда Наталья под воздействием моих слов собралась уходить, я её почему-то остановил. Всё-таки во мне существовали две личности – одна её любила, а второй эта женщина была по барабану. Сущность великого князя очень беспокоилась об этой женщине и хотела её успокоить и даже обнять. Конечно, сейчас моя сущность стала главенствующей и, в общем-то, могла не обращать внимания на эхо эмоций бывшего хозяина личности великого князя, но раздрай в голове совершенно был не нужен. Поэтому я, как говорится, сделал ход конём – успокоил своими мыслями сущность великого князя и сделал шаг в своей хитроумной комбинации по удалению Натальи подальше от Михаила Александровича. Я, мило улыбаясь, удержал Наталью за руку и произнёс:

– Милая, мне было видение, когда я лежал в беспмятстве – всё рушится, и только наш замок в Англии остаётся цел. Тебе с Георгием срочно нужно уезжать в Англию. Тянуть не нужно, тем более я завтра снова отправляюсь в свой корпус.

– Как же так? Ты только вчера приехал и даже не успел подлечить свою язву. А тут ещё эта молния!

– Война, дорогая, война! Германец не будет ждать, когда я залечу свои болячки. И так смог вырваться только потому, что наступление застопорилось. Ники по этому поводу собрал совещание в ставке. После этого совещания я собирался отправляться в свой корпус, но тут случился приступ язвы, и пришлось обратиться к медикам. А там встретил начальника 157-го санитарного поезда, ну того, на формирование которого я давал свои средства. Поезд уже был загружен ранеными и должен был без всяких остановок двигаться в Петроград. Вот я и решил, что столичные врачи быстрее найдут управу на эту язву, чем те доктора, которые привыкли лечить раненых, а не больных. Брат, так же как и начальник Генштаба Алексеев, тоже настоятельно рекомендовали обратиться к столичным врачам. Ники заметил, что, пока на фронте относительное спокойствие, нужно подлечить твою застарелую язву. Так что звёзды сошлись, и я ринулся в Петроград. Но по закону подлости, пока ехал к столичным врачам,

приступы закончились. А после сегодняшнего происшествия у меня чувство, что язва вообще исчезла. Ничего не болит, и вообще желудок не чувствуется. Наверное, сам Господь небесным огнём излечил мою болячку.

– Ой, Мишенька... неужели Господь смилостивился к нам! Сегодня же пойду в храм, поставлю свечку.

– Конечно, смилостивился и этим дал знак, что нужно скорее возвращаться в свой корпус и бить супостатов. Вот я и собираюсь отправиться на святое дело.

– Ну а мне-то зачем уезжать за границу? Я же в Петрограде занимаюсь важным делом – госпиталь, который расположен в нашем городском особняке, на мне ведь висит.

– Ничего, милая, не пропадут раненые, с голоду не помрут! Джонсон, когда очухается, а я ему поручу курировать госпиталь, будет следить за тем, чтобы финансирование шло в полном объёме и без сбоев. И за поставками продуктов туда он тоже будет следить. А ты знаешь моего секретаря – мимо него порченые продукты или, допустим, негодное постельное бельё или пижамы для раненых не пройдут. А ехать в Англию тебе обязательно нужно, и чем быстрее, тем лучше. Сама понимаешь, что эта мысль мне послана свыше, и нельзя гневить Господа нашего, не выполняя его волю. Лишимся его благосклонности, и опять проклятая язва вернётся, может быть, не только она.

Мой упор на мистику и волю создателя сделал своё дело, и жена больше не упорствовала в желании остаться в России. И даже больше того, начала с жаром обсуждать, как в нынешних условиях ей с сыном быстрее оказаться в нашем семейном замке вблизи Лондона. Одним словом, я добился того, чего хотел – договорился с женщиной, которая лучше всего знала великого князя и вполне могла понять, что Михаил Александрович это далеко не тот человек, за которого она выходила замуж. Добился я и того, что Наталья всё-таки удалилась в уверенности, что делает благое дело, давая возможность мужу прийти в себя и отдохнуть после такого происшествия, как близкий удар молнии.

Когда остался один, то сразу же вскочил с дивана и начал по периметру обходить комнату. Нет, я ничего не искал, а просто, когда двигался, лучше думалось. К тому же после отvara женшенья тонус организма повысился, и нужно было его загрузить какой-нибудь физической нагрузкой. Думаю, доктор был бы рад такому действию на великого князя своего порошка, а Наталья была бы поражена той метаморфозой, которая произошла с её мужем. Буквально пару минут назад он лежал обессиленный, с нездоровым блеском в глазах рассуждал о Боге, а тут энергично ходит по комнате, что-то бормочет и размахивает руками. А если бы вслушалась в моё бормотание, то точно бы тут же побежала вызывать к мужу психиатра. Ещё бы – ходит и матерится, как портовый грузчик, а когда мат отсутствует, то выражается какими-то непонятными словами.

А я ходил и не находил выхода из того тупика, в который попала семейка Романовых. Чтобы революции не было, нужно было успокоить народ и прекратить войну. А кто же мне даст это сделать? Думаю, агенты Антанты на чеку и тут же шлёпнут такого инициатора мира. Вон Распутина пристрелили, хотя тот, в общем-то, не обладал реальной властью, а тут великий князь ратует за мир с Германией и Австрией. Да и свои генералы не поймут, как можно мириться с австрияками, после того как накоматыляли им в ходе «Брусиловского прорыва». Брат, император Николай II, тоже этого не поймёт и постарается сплавить такого родственника в психушку. Так что надеяться на поддержку или хотя бы на непротиводействие моим начинаниям со стороны власть предержащих не имеет смысла. Только стоит разворошить этот муравейник, то можно ожидать от тупых защитников самодержавия и России любых подлостей, вплоть до убийства члена семьи императора. Эти козлы даже не подозревают, до чего доведёт Россию их тупость и чванство. Так что идти официальным путём, используя авторитет великого князя, нельзя. Прекратить войну, используя мои знания истории этой войны, не получится. Я совсем не знал деталей Первой мировой войны, за которые можно было зацепиться,

чтобы нанести поражение немцам. Ну что я там знал об этой великой войне – то, что она началась в 1914 году с покушения в Сербии на наследника императора Австрии. За австрийцев вступилась Германия, и началось мировое безумие.

Русские ввязались в эту бойню из-за братьев-славян и, конечно, чтобы освободить от басурман святое место – Царьград (Константинополь). Ну, проливы и прочие бонусы к этому святому делу просто прилагались. Французы исторически враждовали с Германией, и в настоящее время главные противоречия были по судьбе Эльзаса и Лотарингии. Ну а Великобритании Германия наступила на экономическую мозоль. Начала делать товары качественнее и дешевле, чем англичане. Элита англосаксов была в ужасе, они понимали, что если так пойдёт и дальше, то скоро от мировой империи ничего не останется. Англичане народ деятельный и хитрый. Поэтому они, запихав подальше свои противоречия с Россией и Францией, иезуитскими методами инициировали создание военного блока Антанта. А затем этот военный союз ввязался в войну с Германией, дряхлеющей Австро-Венгрией и их союзниками. Наверняка, чтобы организовать эту бойню на континенте, именно английские джентльмены из МИ-6 организовали в Сараево убийство наследника австро-венгерского престола, эрцгерцога Франца Фердинанда сербским гимназистом Гаврилой Принципом. Австро-Венгрия не стерпела убийство своего будущего правителя сербским националистом, начала репрессии в своей провинции. Поставила ультиматум Сербии. Ну, а на помощь «братушкам» выступила Россия. А затем подтянулись и все остальные участники этого мирового безумия.

Дальше я вообще не знал, как шла эта война, а из самых крупных событий слышал только о гибели армии Самсонова в Восточной Пруссии и о Брусиловском прорыве. Разве можно с такими знаниями мечтать о помощи нашим генералам сведениями из будущего. Нет и ещё раз нет. А разработать для предков какое-нибудь чудо-оружие? Тоже нет! Хотя я и технарь, но в микроэлектронике, а в это время ещё даже транзисторов не изобрели. Конечно, могу на основе существующих в этом времени материалов и радиоламп собрать паршивенькую радиостанцию, но не более того. Да, в общем-то, подобные устройства уже существуют в этой реальности. Так что ничего нового и прорывного я предкам предложить не могу. Систему организации производства? Но организация заводов и научных лабораторий это длительный процесс, и на ходе войны он не скажется. К тому же через год к власти придут коммунисты и меня потихому прикончат в Перми. Мысль об этом так возбудила, что я начал думать о своих дальнейших действиях агрессивно. О том, как самому организовать что-то типа «эскадрона смерти» и физически устранить известных мне организаторов будущих революций.

Метод точечных силовых действий при детальном рассмотрении показался наиболее перспективным, учитывая небольшой промежуток времени, который мне дан судьбой. Проблема была в том, что эффективно действовать могла бы только достаточно крупная, решительная и замкнутая структура, что-то типа КГБ. А с несколькими сподвижниками, которых, пользуясь авторитетом великого князя, наверняка можно найти, бороться с разветвлёнными подпольными организациями было нереально. У царя были силовые структуры, и что, помогло это ему? Переиграли ведь подпольщики всяких там жандармов и полицейских, и это показала история. Так что помогать царским, уже порядком прогнившим структурам бессмысленно. Основная масса революционеров (тех, о ком я слышал) находится за границей, и официальным структурам достать их там практически нереально, тем более в Германии. И даже если в некоторых странах правительства пойдут навстречу России, арестуют и депортируют указанных мной врагов империи, то наш же суд отправит их просто-напросто в ссылку. И будут они там спокойно готовиться к предстоящей революции. Так что надеяться на государственную машину, которая спасёт великого князя от расправы, нет никаких оснований. Как говорится – спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

На улице уже стемнело, а я как заведённый ходил по комнате и всё не мог гарантированно придумать, как отвести великого князя от той участи, которая приготовила ему зло-

дейка-судьба. Уже совершенно безумные идеи начали мелькать в моём воспалённом мозгу. Вроде того, что послать к чёртовой бабушке Петроград, дом Романовых, всю эту гнилую империю и стать великим ханом Кавказа. Преданные нукеры у меня имеются, не зря же великий князь больше года был командиром Кавказской туземной конной дивизии. В долговременной памяти остались многие эпизоды службы в этой дивизии. Конечно, в первую очередь запоминающиеся случаи, в которых мои джигиты резали головы австриякам. Не зря враги, да и свои, в общем-то, тоже называли Кавказскую туземную дивизию дикой. Не понимали европейцы таких методов ведения войны, считали их дикими. Вот если человека разорвало на части гаубичным снарядом, то это нормально – цивилизованно, а если голову отрезали кинжалом, то это дикость. А ещё просвещённые европейцы считали дикими, доблесть и смелость, проявляемую моими джигитами. Не укладывалось у них в головы, как может солдат по своей инициативе идти на такие риски. А на самом деле всё было элементарно – в дивизии служили только добровольцы. Люди, которые получали кайф от риска и от возможности наконец повоевать всласть. Только воины от природы шли добровольцами в Туземную дивизию. Ведь по российскому законодательству мусульмане, уроженцы Кавказа и Закавказья, не подлежали призыву на воинскую службу. Лишь 23 августа 1914 года из добровольцев-мусульман была сформирована Кавказская туземная конная дивизия.

Автоматически я начал вспоминать людей, которыми командовал, будучи комдивом Туземной дивизии, а впоследствии командиром 2-го Кавалерийского корпуса. Проводил, так сказать, ревизию долговременной памяти Михаила Александровича. Самый большой блок в этих воспоминаниях занимали три человека. Прежде всего, конечно, это мой адъютант по должности, а фактически порученец и доверенное лицо в среде мусульман Туземной дивизии, Марат Алханов. Лихой джигит, готовый для своего командира сделать всё что угодно, к тому же знающий, как обращаться с добровольцами-мусульманами. Гасил их недовольство на корню. А кавказцы, хоть и нечасто, но, бывало, были недовольны моими приказами. По их мнению, я был очень мягок к врагам и зачастую не добивал уже обречённого противника. Не понимали горцы, что я жалел их же, а не врага. В некоторых ситуациях, чтобы добить австрияков, нужно было положить такое же количество моих джигитов, если не больше. Естественно, я это не хотел. Поэтому когда видел, что австрийцы начинали напоминать загнанных в угол крыс, я давал им возможность бежать.

Вот, например, когда дивизия держала проходы в Карпатах, то 2-я бригада (состоящая из Татарского конного и Чеченского полков) заманила в одно сквозное ущелье целый полк венгерских гусар. Они попали под перекрёстный огонь наших пулемётов. Потери венгров были страшные – в первые десять минут нашего огня было выбито процентов восемьдесят гусар. Но было в этом ущелье одно место, защищенное от пуль. Вот там выжившие гусары и сконцентрировались. Но всё равно, хоть австрияки и находились в мёртвой зоне от ружейно-пулемётного огня, положение их было безнадежным. Вопрос времени и наших потерь – нужно было под огнём противника забраться на гору, с которой открывался прекрасный обзор на позиции венгров и перешёл всех этих опереточных вояк. Мои джигиты стрелять умели и по горам лазили прекрасно, а сделать это под огнём противника – так об этом они могли только мечтать. Ведь в их родных аулах будут складывать песни о погибшем герое. Так вот, я многим из них в этом бою не дал возможности стать героями. Приказал снять пулемёты с позиций у горловины ущелья и этим по существу открыл путь для отступления остаткам вражеского кавалерийского полка. Правда, перед этим парламентёр предложил австрийцам сдаться, но гордые венгерские гусары решили лучше умереть, но не нарушить своей присяги. Многие из этих гусар действительно погибли, когда вырывались под нашим ружейным огнём из ловушки, но нескольким десяткам венгров всё-таки удалось вырваться из этого ущелья смерти. Итог этой операции – Австро-Венгрия лишилась больше тысячи хороших бойцов, наши потери: двое раненых и ещё обида моих джигитов на то, что их командир не дал возможности многим достойным воинам

героически погибнуть. Обида ребят, конечно, быстро прошла, когда я по совету Марата, решил джигитам в течение двух часов собирать трофеи. Потом сам ругал себя, что дал этим детям гор слишком много времени для грабежа. Уже через час, когда я проезжал мимо места, на котором мы пулемётным огнём тормознули обоз венгров, то ужаснулся. Целых повозок там уже не было, были кучи тлеющих деревяшек и множество трупов лошадей без сбруй и полураздетых людей, по которым совершенно нельзя было определить, что они были когда-то гусарами. А ещё я увидел несколько торчащих из щёбёночных куч пик, на острия которых были нанизаны отрезанные головы. А вот по ним сразу можно было определить, что они принадлежали австрийским гусарам – усаые, в форменных головных уборах. Жуть, одним словом! Вот по таким фактам зверства дивизию и прозвали Дикой. А зверство тут однозначно имело место, так как по следам крови и застывшему выражению ужаса можно было утверждать, что головы отрезали у ещё живых людей. Кстати, и пленных в этом бою не было. Я был в шоке, но срываться и показать себя «мямликом» перед офицерами и всадниками конвойной сотни не имел права. Ведь всё-таки я был комдивом, великим князем, генералом и представлял правящий дом Романовых. Это уже под вечер пошёл к начальнику штаба дивизии, Половцеву, успокаивать свою совесть алкоголем. Мы с Петром Александровичем выпили имеющуюся у него бутылку шустовского коньяка. И это в нарушение сухого закона, введенного в империи после начала войны.

Начальник штаба Туземной дивизии Половцев Петр Александрович был вторым человеком, который отложился в долговременной памяти великого князя. Уважал его Михаил Александрович (я, как правопреемник, получается, тоже), и больше даже не как стратега, а как человека, который держит всё под контролем и улаживает любые проблемные ситуации. Хотя и как стратег он был хорош. Операции, в которых принимала участие Кавказская туземная дивизия, были спланированы безукоризненно. Этих операций было немало, и в первую очередь это конные атаки у городков Доброполе и Гайворон. А ещё в Петре Александровиче явно присутствовала командирская жилка. Не терялся он при резкой смене ситуаций, был твёрд и мог вести за собой людей. Не зря же он до штабной работы был командиром Татарского конного полка. Поэтому, когда меня назначили комкором 2-го Кавалерийского корпуса, я без колебаний предложил утвердить командиром Туземной дивизии Петра Александровича. Николай II внял моей рекомендации, и Половцева назначили командиром Кавказской туземной дивизии и вдобавок присвоили высокое генеральское звание. Что Пётр Александрович хороший комдив, показали недавние действия дивизии в ходе «Брусиловского прорыва».

Третьим офицером Кавказской туземной дивизии, который запомнился великому князю, был полковник Попов Николай Павлович. Он занимал непонятную для меня должность контролёра. Не терплю, когда мне что-то непонятно, и я с пристрастием начал просматривать долговременную память, чтобы всё-таки выяснить, чем же запомнился великому князю этот полковник с хитрым прищуром глаз на простом добродушном лице. По изученной информации выходило, что Николай Павлович выполнял функции офицера контрразведки, но не только. Пожалуй, главное, чем он занимался, это разрешениями противоречий между различными группами людей. А их была масса. Ещё бы, ведь в дивизии служили представители нескольких десятков национальностей и зачастую исторически враждебные друг другу. По вере тоже не было единообразия – девяносто процентов были мусульмане, а десять процентов православные. И я думаю, не очень приятно было всадникам-мусульманам, что офицеры в основном были православные. Кроме этого раздражителя, присутствовал ещё один мощный фактор для раздора в рядах дивизии. А именно то, что среди всадников дивизии были представители двух враждующих между собой ветвей мусульманства – суннитов и шиитов. Большинство было из суннитов, но имелись и шииты. Особенно их было много в Татарском полку, сформированном в основном из выходцев граничивших с Ираном волостей. Одним словом, не воинское формирование, а кавалерийский пороховой погреб. И он обязательно бы взорвался, если бы не Нико-

лай Павлович и его служба. Не знаю, какими мерами, но полковник добился, что отличительной чертой внутренней жизни Кавказской туземной конной дивизии стала особая морально-психологическая атмосфера. Которая во многом определяла отношения между офицерами и всадниками. Так, важной особенностью всадника-горца было чувство собственного достоинства и полное отсутствие какого-либо раболепства и подхалимства. Выше всего ценились не чины и звания, а личная храбрость и верность. Характерной чертой отношений в офицерской среде дивизии было взаимное уважение лиц разных вероисповеданий к верованиям и обычаям друг друга. В Кабардинском полку, в частности, адъютант подсчитывал, сколько за столом офицерского собрания находилось мусульман и сколько христиан. Если преобладали мусульмане, то все присутствующие оставались по мусульманскому обычаю в папах, если же больше было христиан – все папки снимали. Николай Павлович и его служба добились невероятного результата – из своеобразных горцев, по существу абреков, получилось дисциплинированное воинское соединение. Со своей шкалой ценностей и приоритетов. Правда, не удалось полковнику коренным образом изменить характер горцев. Храбрость всадников совмещалась с их первобытными нравами и с крайне растяжимым понятием о «военной добыче», что тяжело отзывалось на жителях районов, занятых полками дивизии. Одним словом, Палыч (именно так я звал полковника Попова) был самородок и великий кадровик. Вот только он действовал очень своеобразно. А если прямо сказать, то варварскими методами – самые буйные, не подчиняющиеся дисциплине всадники просто-напросто куда-то исчезали. И при этом не было эксцессов со стороны их друзей или, допустим, сослуживцев. Среди них распространялся слух, что пропавшего забрал шайтан, и если начнутся его поиски, то та же участь постигнет и его товарищей, братьев и вообще всех родственников до седьмого колена. И эти слухи шли не абы от кого, а от полковых мулл. Скорее всего, этих людей подбирала для дивизии тоже служба Палыча. Как-то в разговоре с полковником Поповым по поводу исчезновения из дивизии одного из всадников я высказал недоумение по поводу дезертирства такого храброго джигита. На что мне Палыч, ничуть не смущаясь и не приукрашивая действительность, как своему, объяснил:

– Понимаете, Михаил Александрович, я стою на страже империи, а тут какой-то абрек мамой клянётся, что сначала будет резать неверных в Галиции, а потом и до Петрограда доберётся. И ладно, если бы это был обкурившийся анаши нищевод, тогда чёрт с ним, всё равно на войне наркоманы долго не живут – поймают австрийскую пулю в первой же вылазке. Но нет, ненавидящий всех не истинных мусульман джигит был хороший солдат, грамотный и хитрый, к тому же харизматическая личность. За таким вполне могут пойти малообразованные всадники. Вот и пришлось его по-тихому устранить.

В первый момент его признание привело великого князя в шок, потом этот рафинированный интеллигент подумал: «А что ты хочешь, людей с совершенно другим менталитетом и верой заставлять проливать кровь за православную державу? Другими методами невозможно держать в узде более девяти тысяч необразованных горцев». Эта мысль несколько успокоила душу Михаила, но всё равно тяжёлый осадок остался. Зато меня это воспоминание привело в восторг. Ещё бы, значит, есть знающие великого князя деятельные люди без сантиментов, которые реально могут помочь навести порядок в клоаке, в которую превратилась Российская империя. И в конечном счёте спасти от неминуемой гибели миллионы русских людей. Да, я уже начал мыслить такими категориями. Начал думать не только о себе, но и о стране, которая курьерским поездом неслась в бездну. Начал примерять к себе роль попаданца, который шутя меняет историю, и в конечном счёте во всех фантастических книжках, которые я читал в той реальности, оказывается в шоколаде. Мои фантазии на эту тему продолжались довольно долго и прекратились только от постороннего звука, отрезвившего размечтавшуюся натуру попаданца. Звук для рождённого в конце XX века был очень необычен – били литаврами стоявшие у стены большие часы. Я насчитал двенадцать ударов – значит, сейчас полночь, а правильная мысль, каким методом направить историю в нужном направлении, так и не пришла. А

когда в голове появилась фраза: «Уж полночь близится, а Германа всё нет», я понял, что пора заканчивать марш-бросок по периметру комнаты. А то от навалившихся проблем и маразматических мыслей крыша, тем более чужая, совсем съедет. Утром, ещё раз всё продумаю и только потом начну действовать. Как говорил один мой приятель – с утра плавней получается и косяков меньше.

Глава 4

Я, естественно, не пошёл в нашу с Натальей спальню, а устроился прямо на диване. Славу богу, две небольшие декоративные подушки были, да и плед имелся. Хотя спал одетый и на неудобной подушке, но благодаря армейской школе выспался и встал как штык в восемь часов. Как делал это в Пушкино, после того как устроился работать в НИИ Мозга. И так же как у себя дома, после того как встал, разделся догола и начал делать зарядку, предварительно, конечно, зайдя в примыкавший к комнате санузел. Металлическая раковина и торчащий прямо из стены кран с холодной водой там был, ватерклозет тоже, а вот душа или ванны нет. Но я всё равно радовался, что попал в тело великого князя, а не в среднестатистического подданного Российской империи. А то пришлось бы в туалет бегать на улицу, а умываться из ведра или в лучшем случае под струёй, льющейся из ковшика. И хорошо если рука, держащая этот ковшик, принадлежала бы слуге или молодой красавице жене, а не старой карге, которая является твоей законной супругой.

Я спокойно сделал зарядку, оделся, привёл себя в порядок, а обслуживающий персонал так и не давал о себе знать. Наверняка они уже давно встали, я ещё в восемь часов слышал доносящиеся из коридора приглушенные звуки уборки. Но великого князя никто не беспокоил. Господа, наверное, привыкли спать до десяти-одиннадцати часов, и обслуживающий персонал не смел их побеспокоить. А я смиренно ждал появления хоть кого-нибудь до девяти часов, но, когда часы пробили девять раз, не выдержал. Вернее, желудок возмутился таким пренебрежением к его нуждам. Как так, уже девять часов, а он не получил свою утреннюю порцию калорий, в виде чашки кофе и маминой котлетки! Вот тогда великий князь, ставший рабом желудка, вышел из комнаты в поисках пропитания.

Направился я в сторону доносившихся звуков перепалки, они шли с первого этажа. Шёл в нужном направлении, так как, уже спускаясь по лестнице, начал улавливать фразы, произносимые пронзительным женским голосом. А через несколько мгновений смог определить, кому принадлежит этот голос. Конечно, Глафире – первому человеку, которого я увидел в этой реальности. Мамочке, можно сказать. Вот у неё я и получу свою котлетку. Этот крик желудка заставил меня ускориться, и вскоре я смог лицезреть саму Глафиру. Она, стоя в коридоре у открытой двери в какую-то комнату, пронзительным голосом высказывала своё нелестное мнение о безруких козопасах, приготовивших такой расстегай к завтраку самого Михаила Александровича, только что приехавшего на побывку с фронта. Там он, в отличие от всяких бездельников, окопавшихся в тылу на хлебных местах, гоняет германца, а не жрёт от пуза хозяйских харчей.

Во время своего обличающего монолога Глафира невзначай повернулась и увидела меня. Тут же раздался какой-то булькающий звук, наверное, так Глафира сглатывала от неожиданности. Развернувшись окончательно в мою сторону, она воскликнула:

– О боже! Михаил Александрович, вы встали! А что же не нажали кнопку звонка? Ах да... вы же забыли многие детали нашего быта! Извиняйте, государь, сейчас кушать вам подам! Вы где будете завтракать, в столовой или у себя в кабинете?

Если бы я ещё знал, где в этом особняке находится столовая, то, может быть, выбрал бы и её, а так пришлось руководствоваться только догадкой, что кабинет это, по-видимому, та большая комната, где я ночевал. Поэтому буркнул:

– В кабинете, конечно!

После чего, не говоря больше ни слова, повернулся и направился обратно. Надо было соответствовать человеку с голубой кровью в общении с прислугой. Именно так вёл себя герцог с дворовой челядью в просмотренном мной недавно фильме. На самом деле мне хотелось

поговорить с Глафирой – выяснить, очнулся ли мой секретарь Джонсон и всё-таки узнать, чем потчуют на завтрак великого князя.

Мой желудок мучился ожиданиями недолго. Буквально через несколько минут после того, как я пришёл в своё, можно сказать, логово, в дверь постучали, и после моего разрешения войти она распахнулась. И началось представление, которое можно увидеть только в кинокомедии – внос завтрака суперкрутому олигарху. Человек пять здоровых мужиков участвовало в этом спектакле. А принесли-то они два яйца, каждое в специальной вазочке, небольшую тарелку перловой каши, чай в подстаканнике и два больших блюда. В одном лежало несколько пирожков, в другом два кусочка белого хлеба. Точку в этом представлении поставила Глафира. Она вошла последней, торжественно неся небольшую серебряную ёмкость с вареньем. Которую победно установила в центре круглого столика, расположенного рядом с диваном (моей лежанкой прошедшей ночью). Мой желудок, разочарованный предоставленными калориями, заставил меня обиженно воскликнуть:

– А кофе?

На что получил немедленный ответ Глафиры:

– Дохтур запретил подавать вам кофею! Сказал, что пока идёт обострение язвы, утром подавать только каши, чай и можно яйца всмятку. Про выпечку он ничего не говорил, вот я и положила вам несколько пирожков с яблочками, а то совсем кушать-то нечего.

Желудок обречённо притих, дав мне возможность узнать у экономки вещи, не связанные с питанием. Я, стараясь быть невозмутимым и не очень заинтересованным, как бы между прочим спросил:

– А скажи-ка, Глафира, мой секретарь Джонсон проснулся уже после лечения его доктором?

– Да уже час назад приносила ему завтрак. Накинулся на пирожки, как живоглот какой-нибудь. И кофею целых три чашки выдул. Бодренький он, и не скажешь, что вчера чуть ли не при смерти был.

– Это хорошо! Тогда, Глаша, зайди к нему и приведи его сюда, а то после вчерашнего падения в каретном сарае и лечения его морфином он тоже может потерять память и не найти моего кабинета.

– Как же, такой живоглот потеряет... – буркнула Глафира, но тут же повернулась и вышла, тихонечко закрыв за собой дверь кабинета.

Как только экономка вышла, власть над моей сущностью взял желудок. И я, подвинув к столику стул, тут же накинулся на принесённые яства. А они для меня (что бы я ни думал) действительно были яствами. Я первый раз в этом теле насыщал свой непомерно требовательный желудок. Смолотил всё в течение минут десяти. Потом сидел и мучился, всё думал, не пойти ли мне опять на кухню и потребовать, чтобы повторили завтрак. Ну, хотя бы чтобы выделили с десяточек пирожков. Очень они мне понравились. Князь я или не князь – имею право нажраться от пуза тем, что мне понравилось. Я уже хотел плюнуть на все условности и пойти на кухню, как в дверь кабинета тихонько, весьма вежливо постучали. Я крикнул, чтобы заходили. И когда дверь открылась, увидел незнакомого господина лет тридцати. За ним стояла Глафира. Нетрудно было догадаться, что она привела моего секретаря Джонсона, и мне предстоит довольно непростой разговор. И кстати, повод потребовать пирожки был очень неплохой. И я требовательным тоном скомандовал:

– Глафира, быстро неси сюда побольше пирожков и самовар чая. Разговор у нас будет долгий, и предупреди там всех, чтобы не беспокоили.

Когда Глафира ушла, я нейтральным тоном пригласил Джонсона проходить. Затем коварно предложил усаживаться на привычное место. Я же не знал, кто же на самом деле ко мне пришёл – или это настоящий Джонсон, или его тело, в которое вселилась сущность моего друга и виновника того, что я вынужден изображать великого князя. Тест Джонсон успешно

провалил – слишком долго озибался и выбирал место, где ему сесть. Потом, прикинув, что он секретарь князя и должен находиться невдалеке от работающего патрона, решительно передвинул стул, стоящий у круглого стола, к письменному и уселся на него. «Хм... – подумал я, – а об этом я и не подумал – может быть, этот стул всегда там стоял и это любимое место секретаря князя. А может быть, это хитрый ход Каца, чтобы проверить, настоящий ли сам великий князь, или это перевоплощение его приятеля? Если это настоящий великий князь, то он каким-либо образом выразит своё удивление поступком секретаря. А если это такой же попаданец, как он сам, то воспримет всё как должное. Хотя действие Джонсона со стулом весьма напоминало хитрожопость Каца, но я промолчал, сохраняя своё инкогнито. Завёл дежурный разговор о его самочувствии после вчерашнего происшествия. Так продолжалось до того момента, пока не принесли заказанные мной пирожки, две большие фарфоровые чашки и самовар со стоявшим на нём небольшим заварочным чайником. После того как всё это поставили на круглый стол и челядь удалилась, я, уже уверенный, что Джонсон это мой друг Александр Кацман, вселившийся в тело секретаря, чтобы вытащить своего приятеля-бедолагу из временного плена, широко улыбаясь, воскликнул:

– Ну что, Кац, задумался, пожрать на халяву, что ли, не хочешь? Гребни сюда, таких пирожков ты больше нигде не попробуешь! Хоть напоследок подкормимся с великокняжеского стола. Я уже на антикварном диване поспал, с дамой из высшего света побеседовал, пора и честь знать. Сейчас попьем чайку с элитными пирожками, и можно сваливать домой, в наше время! В процессе чаепития и расскажешь, что нужно делать, чтобы закончить этот эксперимент.

Саша ничуть не удивился, что его разоблачили, а каким-то печальным голосом начал вещать:

– Ты молодец, Мишка, не унываешь! Но только нет у нас теперь дома, всё исчезло – испарилось! Я поэтому здесь и появился, так как понял, что дело труба!

– Как труба? Ты что такое говоришь? С нами-то ладно – жертвы неудачного эксперимента, а что может произойти с миром, с другими людьми?

– Что, что... Я же говорю тебе, что наша реальность испарилась! На смену пришла совершенно другая. Хорошо, что я заметил изменения после того, как ты исчез в ходе эксперимента, и успел свалить сюда к тебе, а так бы тоже испарился.

– Убей, но ни хрена я тебя не понимаю, Кац! Объясни убогому сей научный высокоинтеллектуальный бред!

– Да ладно, всё ты понимаешь, я же знаю, что любишь научную фантастику. Наверняка читал, как изменился мир после того, как на машине времени один деятель посетил прошлое. Он там инстинктивно прихлопнул комара, а когда вернулся в своё время, то всё изменилось – дома, машины, и даже жена была другая. Вот и в нашем случае произошло похожее. Из-за грозы и взрыва шаровой молнии произошёл колоссальный скачок напряжения в сети. В это время хронограф погрузил твоё сознание в накопитель для детального исследования долговременной памяти объекта. И вследствие технического сбоя эксперимент вышел из-под контроля. Непонятно по какому физическому закону, но произошёл сдвиг временной константы, и сознание переместилось в тело объекта, череп которого изучался. С обоснованием возможности переноса во времени ментальной энергии будущие физики и математики, думаю, разберутся. Я в эти математические дебри даже лезть не буду, всё равно запутаюсь, школа не та. Но то, что сознание иницировалось именно в конкретной точке, я объяснить, думаю, в состоянии. Когда проходил эксперимент, все его этапы записывались компом. Там есть шкала, по которой можно судить о временном отрезке, когда сканируется долговременная память объекта. Так вот я смог вычислить, в какой день ты попал в тело великого князя, после чего пошла волна изменения реальности. Когда ты исчез из кресла, пропал и череп из камеры хронографа. У меня, конечно, случился шок, и я подошёл подышать свежим воздухом к окну и там чуть

в осадок не выпал. Представляешь, напротив нашего института высилось громадное здание, а по улицам разъезжали автомобили совершенно незнакомых мне марок.

– Так это из-за меня всё, что ли? Я же ничего, в общем-то, и не делал, чтобы изменить историю. Только размышлял, как бы избежать участи, уготовленной историей великому князю. Ну, может быть, конечно, ночью и прибил инстинктивно пару комаров, мешающих спать. Здесь же нет москитных сеток, приходится вручную отбиваться от кровососов. И за это исчез без следа и я, и наш мир – нелепо всё это.

– А что тут нелепого? Ты своими действиями изменил историю. Твои папа и мама не встретились, вот ты и исчез. Череп Михаила Александровича пропал, так как он выжил в Перми, а может быть, вообще там не был. Так что история изменилась, и возвращаться нам некуда.

– Так ты-то что начал дёргаться? Сидел бы в Пушино и делал бы свою диссертацию. Какая тебе к черту разница, какие автомобили ездят и откуда новые дома появились.

– Да если бы всё было бы так просто и линейно... Скорее бы всего, наш институт тоже бы исчез, и я вместе с ним. Во-первых, архитектурно наше здание совершенно не вписывалось в стиль появившихся зданий. Во-вторых, у меня самого начали происходить изменения – когда всё было подготовлено и я сел в кресло, чтобы последовать за тобой, у меня уже испарились левая рука и часть ноги. Интересно, что исчезаешь ты не сразу, а постепенно и без всякой боли. А вблизи хронографа процесс идёт гораздо медленнее. Наверное, поэтому здание нашего института ещё стояло в том изменяющемся мире. Но мне стало ясно, что долго так не продлится, поэтому я включил форсаж и сделал всё для переноса личности в другое время, максимально быстро.

– Саня, ты меня хоть убей, а я не понимаю, как ты мог без помощи компьютера проверить эту операцию. Оператор же должен сидеть у компа, чтобы процесс пошёл. Да и скачок напряжения как ты мог организовать?

– А тут судьба пошла мне навстречу. Помнишь Юрку-электрика?

– Ещё бы! Это мой кореш, он мне литр смеси номер три (технический спирт, дистиллированная вода и вишнёвый сироп) должен!

– Так вот, он перед концом рабочего дня делал обход и зашёл в лабораторию. Я его за остатки твоего спирта подрядил на помощь в проведении эксперимента. И ещё пообещал, что его долг тебе беру на себя. Парень рубит в компьютере и отлично понял, что нужно делать, после того как я сяду в кресло. Он и наш большой лабораторный конденсатор соединил с хронографом. В нужный момент тот должен был дать большой импульс тока. Когда я сел в кресло и начал надевать шлем, то заметил, что левая рука и нога начали исчезать. Хорошо хоть голова оставалась целая, и я смог скомандовать начать эксперимент. Так что, Михась, мои мама и папа тоже не встретились, а может быть, они сами не родились в той реальности. Так что мы с тобой существуем только здесь и в этих самых телах.

– Ну, ни фиги себе, вот это мы с тобой замутили историю! Получается, что если хотим жить и дальше, то обязаны не допустить в России революций. Ты хоть думал над этим, и что предполагаешь нам следует делать?

– Судя по тому, что череп великого князя исчез из камеры хронографа, его не убили в Перми. Мне кажется, что когда я здесь появился, череп Джонсона тоже должен испариться. Это говорит о том, что история пошла другим путём, и вполне возможно, никаких революций и не было. Но, к сожалению, теперь мы это не узнаем. Да и вообще всё наше знание истории, начиная с сентября 1916 года, лучше всего забыть. Легче будет жить в этом мире.

– Ага, скажешь тоже, забыть, и Ленина с Троцким, и Керенского с князем Львовым и прочими деятелями, развалившими страну – да не в жизнь! Только мы это забудем, вольёмся в местный бомонд и будем жить тихой нормальной жизнью, как история делает кульбит, все эти фигуры вернутся и нас кончат не в Перми, а, допустим, здесь, в Гатчине.

– Так что, ты предлагаешь начать охоту на тех, кто нам известен и участвовал в организации революций?

– Да нет, это бесперспективно! Во-первых, мы всех не знаем, а во-вторых, даже кого и знаем, вряд ли сможем достать где-нибудь за границей, даже пользуясь моей громкой фамилией. Царская охранка не смогла достать, а тут два дилетанта что-то пытаются сделать.

– Так что ты тогда мозги канифолишь? Свалим из России в Штаты и заживём там как белые люди. Поучаствуем в промышленной революции, глядишь, первые и компьютер изобретём. Не стоит лезть в политику и во всякие там разборки, не наше это. Наука, вот ради чего стоит жить. Ты человек богатый, на первое время нам бабла хватит, а затем наступит мой черёд генерировать научные открытия, за которые буржуины будут писать кипятком и отваливать кучу денег. Ты представляешь, здесь ещё даже пенициллина нет, так что с моими знаниями тут весь мир открыт.

– Думал я над вопросом эмиграции из России, но пришёл к выводу, что это бесполезно. Коминтерновские ребята достанут в любой точке мира. Большевики ни за что не забудут, что где-то обитает легитимный претендент на российский престол. Да и буржуины спокойно жить не дадут, всё время будут уговаривать стать знаменосцем борьбы против коммунизма. Вот ты да, спокойно можешь жить на Западе – никому Джонсон как политическая фигура не интересен.

– Да ладно, Михась, ты же знаешь, я тебя не оставлю! Вместе попытаемся решить эту проблему. Мы же, в конце концов, дети ХХI века и собаку съели во всяких интригах и комбинациях. Ты, я знаю, во всяких там стратегических игрушках, очень даже преуспел. Ну а я на своём поприще разных интриг насмотрелся. Так что ничего, прорвёмся!

– Да, Кац, точно прорвёмся! Это и не только по исчезнувшим черепам понять можно, но и потому, что в богом забытом, драном Пушкино появились громадные здания, а по улицам ездят шикарные тачки. Значит, получается, что страна богатая и не было в ней таких потрясений, как в нашей России. И экстраполируя это на нас, мы получаем то, что двум дилетантам от политики и управления что-то сделать удалось. Давай бери пирожки! Сейчас перекусим и начнём строить нашу диспозицию и воздушные замки.

Пирожки исчезли стремительно, Саша тоже распробовал их вкус и, видя рвение, с каким я их поедаю, подналёг на это роскошество, чтобы хотя бы догнать меня.

– Это тебе не наша институтская столовка, – произнёс я, когда пирожки уже закончились, при этом удовлетворённо поглаживая себя по животу. После этого началась наша мозговая атака на решение поставленной историей задачи.

Во-первых, мы начали прикидывать наши возможности, чем всё-таки располагаем. Получалось, что практически ничем. Политическим влиянием как великий князь, так и его секретарь Джонсон не обладали. Нарботанных связей в жандармерии, полиции и других госструктурах не было. Даже в армии Михаил Александрович мог рассчитывать на поддержку только одной Кавказской туземной дивизии, где офицеры и всадники его хорошо знали и, в общем-то, боготворили. Да и с деньгами было не особо хорошо. Наличных практически не было, а чтобы реализовать, допустим, имение Брасово, нужна была уйма времени. Да и покупателей на недвижимость, в связи с войной, практически не было. Единственным плюсом в области финансов было то, что больших долгов не было. Одним словом, ничего существенного, за что можно было зацепиться в таком грандиозном деле, как изменение истории, не имелось. Поэтому если хотим жить, придётся цепляться за то, что есть, а именно за офицеров и всадников Дикой дивизии. Было решено, что любым путём эту самую Дикую дивизию следует к февралю 1917 года передислоцировать под Петроград, в ту же самую Гатчину. И в случае если не удастся умиротворить общество, использовать джигитов для наведения порядка. Вырезать к чёртовой бабушке временное правительство и весь Петросовет. Как Саша, так и я оперировали большими цифрами, и гибель нескольких тысяч человек меркла перед миллионными жертвами в

ходе пролетарской революции и гражданской войны. Кац, как, впрочем, и я особо гуманизмом не страдали. Реалии жизни не воспитали в нас эту черту. А спрашивается, как можно было стать гуманистом во времена второго пришествия капитализма в Россию. Единственное, что можно было по этому вопросу поставить нам в плюс, это то, что к силовым кровавым мерам мы собирались прибегнуть только в случае безвыходной ситуации. Когда все другие действия не приведут к снятию революционной ситуации в России.

Как снять эту чёртову революционную ситуацию, было не очень понятно. Ясно было одно – всё усугубляется войной. Абсолютно точно, что Первую мировую войну нужно было как-то прекратить. Но мы понимали, что заключение сепаратного мира с Германией это фантастика. Во-первых, неясно, как это сделать, когда нынешняя элита России будет резко против этого. Во-вторых, союзники по Антанте сделают всё, чтобы этого не допустить. А возможности у их спецслужб для этого есть. Ухлопают сторонников этого курса на раз-два. Когда мы обсасывали эту безвыходную ситуацию, я в сердцах ругнулся и заявил:

– Вот, чёрт возьми, незадача! Какого рожна Николашка назначил командующим Западным фронтом Эверта? Если бы ни его нерешительность, то всё было бы иначе. Поддержки он своими действиями наступление Юго-Западного фронта генерала Брусилова, то немцы бы так же огребли, как и австрияки. Вон, в моей долговременной памяти сидит разговор с Брусиловым, тот камня на камне не оставил от страусиной позиции Эверта. Уже когда стала понятна позиция Эверта, сам Брусилов через его голову обратился к командующему левофланговой 3-й армией Западного фронта Лешу с просьбой немедленно перейти в наступление и поддержать его 8-ю армию. Однако Эверт не разрешил своему подчиненному сделать это, хотя возможность такая была. Резервы и материально-технические запасы имелись. Хороший удар привёл бы немцев к тому, что они бы сдались. У немцев и австрияков всё на соплях висит. И если бы в России не случилась революция, то они хрен бы продержались лето 1917 года.

– Михась, ну что ты всё мечтаешь? Всё как бы да если бы! Пускай положение хреновое, но реальное, вот и думай, как его улучшить, а не предавайся бессмысленным вздохам да ахам.

– Уж и помечтать нельзя, ишь, какой строгий секретарь. Нужно же ставить перед собой конечный результат, а мечты, может быть, и являются той задачей, к которой нам нужно стремиться.

– Какой? Воздействовать на Николая II, чтобы он снял командующего Западным фронтом Эверта? А ты уверен, что другой будет лучше? Я думаю, что сменой действующих лиц уже ничего не изменить. Если даже того же Брусилова назначить главнокомандующим вместо Николая II, то он не сможет повторить подобную наступательную операцию. Элемент неожиданности уже упущен, а немецкие генералы профессионалы и умеют делать выводы из чужих ошибок. До и мотивации воевать до победного конца у солдат практически нет – устал народ от войны.

– Да понятно всё! Что народ устал и не желает умирать за эту воровскую власть. Что финансы в заднице и уже рабочих рук не хватает, чтобы нормально обрабатывать землю. Всё катится в тартарары, и мы знаем это по истории, и я пересказывать её не буду. Глубинные причины нарастающего бардака нам не изменить. Что же делать? Времени до февраля, когда этот бардак станет необратим, осталось совсем немного. Единственный вариант не допустить февральских событий – это успехи на фронте.

– Почему, есть ещё один вариант не допустить временное правительство до власти. И этим вариантом являешься именно ты. Николай же отречётся от престола в пользу тебя, вот и нужно для пользы дела принять этот крест.

– Да ты что, Кац, какой из меня император?

– Как какой – законный, из рода Романовых! Если династия останется у власти, то вокруг дома Романовых поневоле сплотится основная часть элиты и вся армия. Да и союзники в конечном итоге поддержат эту рокировку, по крайней мере финансово. И не будут сильно

давить, чтобы Россия вела активные боевые действия. Ты на словах скажешь, что будешь продолжать войну, но там будет видно, как дело пойдёт. Мы сядем в глухую оборону, и пусть там союзники бодаются с немцами и австрияками, а мы в это время народ будем умиротворять. Потихоньку распускать по домам возрастных солдат, выпустим манифест о земле. И займёмся твоим пиаром. Нам главное сейчас отсидеться, пока союзники Германию не придушат, а уже потом можно будет выходить в белом смокинге и требовать нашу долю контрибуций.

– Думаешь, так прокатит?

– Зуб даю, век воли не видать!

– Ладно, Саня, верю я в твоё иудейское чутьё, а теперь у тебя появилась и англосаксонская натура. Навешать лапши на уши и вынудить союзников таскать каштаны из огня. Ну что же, это я поддерживаю. Да, Саня... гремучая смесь получилась – Кацман плюс Джонсон. Ха-ха-ха!

Смеялись мы оба, так нас и застала моя жена Наталья. Наверное, такое общение секретаря её мужа с великим князем она увидела первый раз, поэтому и застыла в дверях, не решаясь войти в комнату. С трудом подавив истеричный смех, я всё-таки смог сказать более-менее серьёзно:

– Натали, душа моя, я вроде бы чувствую себя гораздо лучше после вчерашнего происшествия. Тут ещё Николай повеселил. Кстати, ты начала готовиться к отъезду в Англию?

– Дорогой, а может быть, не нужно спешить?

– Нужно, Наташа, нужно! Информация идёт всё тревожней и тревожней. Германские агенты разогревают народ, и скоро может начаться бунт. Вон Николай, который всё время находился в Петрограде, тоже говорит, что скоро начнутся беспорядки. Я уезжаю на фронт и хочу, чтобы вы с сыном были в безопасности. И пожалуйста, никому не говори, что вы с Георгием уезжаете в Англию. Всё нужно сделать быстро, тайно и тихо. У тебя рубли на счёте ещё остались?

– Конечно, на счёте в банке, Я практически и не пользовалась счётом. Хватало тех денег, что ты оставил на хозяйство, и тех, которые привозил управляющий имением Брасово. Мы же с Георгием графы Брасовы, вот и жили на доходы от нашей вотчины.

– Тогда так, все рубли снимай, конвертируй в фунты стерлингов и через управляющего переводы все их на наш счёт в Лондонском банке. Думаю, с уже лежащими там фунтами средств вам хватит надолго. И не только на безбедную жизнь, но и на содержание нашего замка Мебворт и на достойное образование для Георгия.

– Миша, ты так говоришь, как будто прощаешься с нами.

– Не придирайся к словам, на фронте все так говорят.

– Нет, ты что-то знаешь, а мне не говоришь. Ты стал какой-то другой, чужой! Скажи, у нас всё будет хорошо? Долго нам с Георгием находиться в Англии?

– Всё будет отлично, но только если будешь делать, как я говорю. Рассказать не имею права – дал слово, к тому же это государственный секрет. В Англии будете до окончания войны. И помни, я вас с сыном очень люблю и сделаю всё возможное, чтобы вы ни в чём не нуждались. И знай, время поджигает, и нужно как можно быстрее покинуть Россию. У меня сейчас совсем нет времени заниматься организационными вопросами вашего отъезда. Ты сама справишься с этим делом?

– Конечно! Наш управляющий возьмёт все технические вопросы на себя.

– Хорошо! Тогда немедленно выезжай в Питер и начинай заниматься этим вопросом. Извини, но у меня с Джонсоном сейчас сверхсрочная работа, связанная с безопасностью государства, и я не смогу тебя проводить в наш особняк. А вскоре я возвращаюсь в свой корпус, а значит, и в Англию не смогу тебя проводить. Но ты по этому поводу не раскисай – помни, я тебя люблю и все нынешние трудности временные. Будет и на нашей улице праздник. Кстати, когда приедешь в город, отправь водителя обратно в Гатчину. «Роллс-ройс» нужен будет Джонсону

для деловых поездок. Понимаешь, дорогая, интересы государства требуют некоторых жертв. Да, и ещё, у меня из головы после вчерашнего удара молнии выпали многие бытовые детали. В частности, забыл, как зовут нашего управляющего. Кстати, он в Гатчине?

– Да, уже второй день дожидается, когда можно будет переговорить о делах. А зовут его Пётр Филимонович.

– Понял, тогда, если не трудно, перед тем как уехать, скажи ему, чтобы зашёл ко мне.

После, можно сказать, дежурного поцелуя, не очень довольная нашим разговором Наталья вышла из комнаты.

Глава 5

Кац во время этого семейного разговора скромно стоял у открытого окна. Когда жена ушла, он опять подошёл ко мне и уселся рядом на диване. Я, зная своего друга и ожидая от него подковырок и стёба в стиле Пушино, тут же продолжил разговор о наших первоочередных задачах. И постарался занять мозг Саши, спросив:

– Слушай, Кац, а ты подумал, стоя у окна, чем же именно ты, живший в ХХI веке, можешь помочь нашим в этой войне. Сам понимаешь, чтобы снять напряжение в обществе, нужны победы в этой войне. Глухая оборона вряд ли успокоит солдат, особенно тыловых и резервных частей. Вспомни историю. Именно среди тыловиков и матросов, не принимавших непосредственного участия в боях, были самые революционные настроения.

– Да я после того, как попал в тело Джонсона, только об этом и думаю. И знаешь, кроме мысли о том, чтобы наладить синтез пенициллина и некоторых других видов антибиотиков, ничего в голову не приходит. Ну не специалист я в военном деле. Да и технологию производства антибиотиков знаю, так как интересовался этой проблематикой, когда учился в универе.

Я, довольный тем, что Кац не иронизирует по поводу моего семейного положения в этой реальности, прибодрил его, сказав:

– Да ты что! Неужели ты знаешь, как произвести такие ценнейшие препараты? Да это же охренительно! Ты даже и не представляешь, как это важно для русской армии, да и вообще для всей страны. Сотни тысяч солдат, которые умирали от не очень-то и опасных ранений, смогут выжить, если им вовремя вколоть тот же самый пенициллин. Вот я, к сожалению, ничем подобным похвастать не могу. Как говорил технический персонал нашего института – могу паять, а могу и не паять!

– Да ладно, Михась, приbedняться – ты вон в армии служил, командовать людьми можешь. Опять же в технике разбираешься. Для этого времени ты ценное приобретение. Если будут необходимые материалы, ты таких тут гаджетов можешь понаделать, что мама не горюй.

– Ага, разбежался! Я даже технологию производства полупроводников не знаю, а ты говоришь гаджеты! Говорят тебе – могу паять, а могу и не паять! А если подумать, то могу и хорошо впаять. Надо, кстати, отработать с этим телом мой фирменный хук слева.

– О-о-о... если начал вспоминать про хук слева, то значит, у тебя начинают наклёвываться какие-то интересные мысли. Колись давай!

– Слушай, Кац, ты химию хорошо знаешь?

– Какую, органическую или неорганическую?

– Ракетное топливо нужно изготовить. Конечно, не для баллистических ракет, а таких, которыми «Град» пуляет. Что-то типа «Катюши» хочу изготовить. Как ты сам понимаешь, из вооружения мы ничего существенного предложить не можем – школа не та. А вот что-то типа «Катюши» нынешняя российская промышленность производить сможет. Дело за малым – для ракет нужно топливо. В идее «Катюши», я думаю, нет ничего экстраординарного, и я вполне смогу донести местным инженерам принципы действия этой залповой пусковой установки. А вот об её ракетах ничего рассказать не смогу, в этом я пас. Сам понимаешь, если у нас получится разработать «Катюши», Россия может хорошо прижать даже Германию, не говоря уже об Австрии.

– Знаешь, а, пожалуй, можно попробовать спроектировать реактивный пороховой двигатель. Я ещё в школе увлекался ракетной техникой, даже в кружок юных космонавтов ходил. Так там нам рассказывали весьма подробно о реактивном снаряде М-13. И мы даже запускали небольшие пороховые ракеты на полигоне. Пороховые заряды для них готовили сами. Я чуть ли не дословно помню лекцию нашего руководителя и бывшего командира дивизиона «Градов» Семён Семёновича о первых советских ракетных системах залпового огня. А ещё он как-

то раз рассказал о напалме. И не просто рассказал, а целую лекцию прочитал, как его изготавливают. Кстати, всё очень просто, и в начале двадцатого века это вполне можно сделать.

– Ну, Кац, ты просто ценный кадр. Как синтезировать антибиотики, знаешь, о ракетном снаряде для «Катюши» целую лекцию прослушал, да и напалм изготовить можешь. Только вот я одного не пойму, ты лекции о ракетных снарядах и напалме ещё в школьные годы слушал, и как ты сможешь вспомнить все детали, которые требуются для их производства.

– Ха, ты не знаешь Семёныча! Этот полковник в отставке так мог рассказывать и всё объяснять, что переданная им информация запоминается на всю жизнь. Не знаю, как уж военному, а как педагогу ему цены нет. Вот хочешь, я почти дословно приведу его слова об устройстве ракетного снаряда М-13.

– Давай, интересно послушать, что ты запомнил.

– Вот, пожалуйста – реактивный пороховой двигатель состоит из камеры, крышки-сопла, колосниковой решетки, порохового заряда, воспламенителя и стабилизатора. На наружной части обоих концов камеры имеются два центрирующих утолщения с ввинченными в них направляющими штифтами, которые удерживают снаряд на направляющей до выстрела.

– Ну, ты даёшь, Кац, – монстр просто!

– Да это ладно, вот историю я знаю плохо. В двигателе используется нитроглицериновый порох, а кто его знает, производился ли он в это время.

– Я тоже не знаю, но скорее всего, что производился. В конце концов, озадачим профессионалов, они что-нибудь придумают. Пиши давай в нашем плане действий этот вопрос срочно провентилировать.

– Кстати насчёт изготовления напалма тоже вопросы есть. Если замутить простейший, то тут всё просто – замешать бензин или керосин с загустителями из алюминиевых солей и органических кислот и можно выжигать немчуру в их окопах. Но такой напалм всё-таки менее эффективен, чем напалм «В», который прилипает даже к влажным поверхностям. Он даёт температуру сгорания 1200–1500 градусов против 900 у обычного напалма. Вот только для его изготовления нужен полистирол, а я не в курсе, производился ли он в 1916 году.

– Да наплевать на этот напалм «В»! Если у нас получится обеспечить русскую армию даже обычным напалмом, то немцам мало не покажется.

– А что ты всё немцы да немцы, австрийцев ты что, противником не считаешь?

– Конечно, считаю, но с Австрией у России счёт побед и поражений идёт в нашу пользу, а вот с Германией нет. Одна гибель армии Самсонова в Мазурских болотах чего стоит. Понятно же, что в столь сжатые сроки, даже пользуясь громким именем Михаила Романова, много «Катюш» или там большой объем напалма не изготовишь. Так что насыщать новым оружием нужно в первую очередь армии, сдерживающие германцев. Немецкие генералы вояки опытные, и когда наша армия применит несколько раз «Катюши» и напалм, то они вряд ли будут планировать большое наступление против Русской армии, тем более когда противник вроде бы не дёргается и сидит в глухой обороне. В то же время снимать части, чтобы перебросить их на западный фронт, страшно, а вдруг русские, применяя это страшное оружие в больших масштабах, пойдут в наступление. Так что пара дивизионов «Катюш» и с десятков тонн напалма могут решить наиглавнейшие в данный момент задачи. Не нарушая обязательств перед союзниками, дать возможность русской армии передохнуть. Так сказать, переформатироваться. А если Германия не будет перебрасывать свои дивизии на западный фронт, то мы вполне можем потребовать у союзников новых кредитов. Так как я буду инициатором разработки и применения этого оружия, то вполне могу просить брата, чтобы он именно меня назначил распорядителем этих новых кредитов. И тогда наконец появятся средства, чтобы создать подушку безопасности. Не денежную, конечно, а продуктовую. Это поможет избежать в 1917 году голодных бунтов.

– А где ты это всё хранить будешь? И охрана там нужна надёжная. Ведь история показала, что случилось с Бадаевскими складами. А тут если не подожгут, то натравят на эти склады пьяных матросов и дезертиров. Даже если охрана надёжная, от этих ребят трудно будет отбиться.

– Вот поэтому склад, а скорее всего несколько, нужно размещать не в самой столице, а в тихих пригородах. А на охрану поставить я уже даже знаю кого.

– Опять своих джигитов из Туземной дивизии? Они же кавалеристы, непоседы и не смогут длительное время охранять один стационарный объект. Начнут рыскать по окрестностям и беспокоить, а тем паче грабить местных жителей.

– Да не беспокойся, всадников-горцев на караульную службу я ставить не собираюсь, слишком сильный вой поднимется среди либералов. Джигиты действительно слишком заметны, тем более в тихих пригородах столицы. На это дело постараюсь передислоцировать под Петроград пару батальонов из Осетинской пешей бригады. Она придана Кавказской туземной дивизии и в ней можно набрать с тысячу спокойных, уравновешенных солдат. А ещё я хочу подрядить на караульную службу пластунов из 6-й Донской казачьей дивизии. Она входит во 2-й кавалерийский корпус, которым сейчас командует великий князь. Так что полномочий у меня хватит, даже не придётся беспокоить царя или вышестоящего командующего армией. Думаю, что при нынешнем бардаке можно будет по-тихому перебросить к столице пару тысяч человек. Это же не снимать с фронта целое соединение, тем более такое, как Дикая дивизия или 6-я Донская казачья дивизия. Судя по долговременной памяти великого князя, которая мне доступна, бойцы осетинской пешей бригады дисциплинированные солдаты, не склонные к буйству. А что касается пластунов, то это вообще нечто – сутками могут сидеть в засаде, при этом оставаясь незаметными для противника. Мимо караула пластунов даже мышь незаметно не проскочит. А их командир, есаул Платов, это образец русского офицера – смелый, исполнительный и обязательный. Что немаловажно, как осетин, так и казаков никаким агитаторам не удастся переубедить нарушить присягу. Эти ребята так воспитаны, что до конца будут выполнять приказы своих командиров. А так как я командир их корпуса, да к тому же великий князь из рода Романовых, то за точное выполнение моих распоряжений можно не беспокоиться.

– Растёшь, Михась, чувствуется, что голубые гены великого князя начали действовать на твою сущность. А если серьёзно, то мысль о создании продовольственной подушки безопасности весьма здравая. А ещё, по моему мнению, не нужно забывать о тактике действий конца XX века. А именно – разлагай и властвуй. Именно так Запад раздавил СССР. Вот и нам нужно подумать, как сначала разделить, а потом разложить всех этих социал-демократов.

– Да, Кац, всё-таки чувствуется в тебе влияние еврейских генов. По поводу твоего предложения хочу заметить, что у социал-демократов и так были противоречия. Но в их рядах в основном были идейные люди, которые ради своей великой цели наплевали на эти противоречия. Фанатов не купить и не разложить, но их можно обмануть. Подсунуть не менее великую цель. Так как среди социал-демократов было много евреев, то нужно предложить им сосредоточиться на исполнении чаяний их народа – на создании государства Израиль. Союзником в этом готов стать великий князь Михаил Романов. Да после того как ты доведёшь до руководства, допустим Бунда, предложение великого князя, то многие социал-демократы из противников Романовых станут их союзниками.

– А почему я? У меня же нет никакой дипломатической хватки. Да и где найти этих самых руководителей Бунда?

– А я почём знаю? Это ты еврей, тебе и искать. К тому же ты ещё и мой секретарь, вот и выполняй свои обязанности. Патрон идеи даёт, а секретарь делает всю чёрную работу. К тому же мне нужно обеспечить всю силовую составляющую нашей авантюры. А за тобой все интриги и комбинации.

– Да пошёл ты! Вот возьму и свалю в Штаты, наукой заниматься! А то интриги, комбинации – Макиавелли нашёл!

– Что, бросишь своего друга на растерзание большевикам? Да ты представляешь, чего мы можем добиться, в частности, для твоих соплеменников? Во-первых, создание ещё в начале века государства Израиль. Во-вторых, не произойдёт такого кошмара, как холокост. Миллионы невинных людей останутся живы. Если будем пахать как негры, засунем в задницу свои амбиции и лень, то можем осчастливить и Россию и Германию, да в общем-то весь мир. Не будет ни бредового социализма, ни фашизма, и в живых останутся сотни миллионов простых людей. Какого-нибудь Ульянова или Троцкого мне абсолютно не жаль, а вот простого Васю Пупкина жалко до слёз!

– Да, Михась, умеешь ты убеждать. Хорошо, буду пахать как негр на плантации. Включу весь свой интеллект и сионские таланты. Постараюсь быть хорошим агентом влияния среди бундовцев, да и других социалистов, анархистов и прочей братии противников монархии. Свободу, мать твою, трудовому народу! Фабрики рабочим, а землю крестьянам! Анархия мать порядка! Капиталистов на сук, а Романовых в топку. Ну как, примут меня в свои ряды противники империи?

– Хватит стебаться, мы же обсуждаем серьёзные вопросы. Начнёшь хохмить в среде революционеров, быстро огребёшь по самое не могу. У них все эти лозунги кровью по сердцу написаны, а тут какой-то фигляр издевается.

– Ладно, буду действовать по-хитрому, в стиле XXI века. А вообще-то я думаю, что самое умное это заболтать интеллигентов, проповедующих радикальные взгляды. Для этого создать фейковую революционную партию, с боевыми красивыми лозунгами и талдычить, талдычить им, что нужно работать с народом. Образовывать его, организовывать для рабочих и крестьян разные там школы и другие нужные вещи.

– Кац, не будь наивным, «народники» существовали несколько десятков лет, а толку-то? Радикалов среди образованных людей меньше не стало, а среди рабочих стало больше. Вообще-то, Саня, есть в твоих словах интересная идея. Это насчёт организации фейковой боевой рабочей партии. Под тайным патронажем великого князя наберём туда людей поязыкостей, лозунги придумаем сами и пустим её плавать в политический шторм России. Конечно, за то небольшое время, которое осталось стране до революций, эта партия большой рейтинг не наберёт, но всё равно оттянет на себя часть электората социал-демократов, анархистов и эсеров. А если ещё евреев, входящих в Бунд, заинтересуем идеей создания государства Израиль, то наверняка снизим потенциал надвигающейся на Россию политической бури.

– Так тогда что – основное внимание концентрируем на общественно-политической жизни страны? Значит, тебе не стоит ехать в свой корпус. Питер покидать не стоит. По-любому всё будет решаться не на фронте, а здесь в столице!

– Так-то оно так, но без силовой поддержки, вся наша политтехнология XXI века не будет стоять и ломаного гроша. Даже небольшая группка профессиональных революционеров, завязанных с германскими спецслужбами, способна будет совершить октябрьский переворот. Как-то я беседовал с парнем, закончившим исторический факультет МГУ, так он утверждал, что это финские егеря в октябре 1917 года заняли Зимний дворец и самые важные объекты Петрограда. И действовали они по грамотно составленному плану. В этой операции, разработанной германским Генштабом, были задействованы весьма небольшие силы – всего-то батальон финских егерей и небольшая группа профессиональных революционеров-марксистов. А массовка, организованная Петросоветом и Троцким, не более чем спектакль, устроенный, чтобы скрыть участие во всём этом Германии. Когда отобранных немецкими специалистами профессиональных революционеров перебрасывали в сторону дырявой границы между нейтральной Швецией и Великим княжеством Финляндия, то они все спокойно поместились всего лишь в один спальный вагон Германских железных дорог. Силовая поддержка группы Ленина была хорошо обучена и состояла из финских добровольцев, участвовавших в егерском движении. Егерское движение возникло в начале XX века как ответная реакция на политику русифи-

кации. По мнению активистов, незаконное положение давало им право отвечать на насилие насилием. Движение егерей привлекало в свои ряды в особенности студенческую молодежь. Первые группы добровольцев тайно отправились в Германию для получения военного обучения в начале 1915 года, а в конце того же года в Финляндии началась тайная вербовка по всей стране. Весной 1916 года из группы финских добровольцев сформировали Прусский Королевский батальон егерей № 27 под руководством майора Максимилиана Байера. Вот этот батальон, по существу, и сделал октябрьский переворот в Петрограде. Думаю, если удастся перебросить под Петербург хотя бы одну Кавказскую туземную дивизию, то ей вполне по силам, даже в городских условиях нейтрализовать хорошо обученных финских егерей. В принципе, хватило бы и Осетинской пешей бригады, но нельзя забывать о латышских стрелках, революционных матросах, массе солдат, проходящих службу в частях Петербургского гарнизона и категорически не желающих отправки на фронт. С военной точки зрения все эти формирования не представляют собой организованной силы, но их много, и одними городскими их не утихомиришь. А несколько тысяч джигитов в боевой экипировке, гарцующих по Невскому проспекту, наверняка вправят мозги самым буйным и внесут умиротворение в души остальных.

– Как-то странно, что всего один батальон смог скovyрнуть такую гигантскую империю с многомиллионной армией.

– Вот видишь, как бывает – несколько сотен обученных, дисциплинированных и, что немаловажно, мотивированных людей ставят раком историю всего человечества. Но причина и в том, что сама Россия была готова к резким переменам. У власти и народа накопилось слишком уж много противоречий. Тем более на фоне изнурительной мировой бойни. Ценность жизни человека опустилась ниже плинтуса, и многим терять уже было нечего. Как говорили идеологи коммунизма – низы не хотели, а верхи не могли. Так что, Саня, судьба, ведомая твоей рукой, забросила нас в это время, наверное, для того, чтобы мы исправили этот несуразный крендель истории. Повысили потенцию верхов и хоть немного улучшили жизнь низов.

– Да плевать я хотел на всё это! Главное, самим выжить!

– И это правильная мысль. Но чтобы это сделать, нужно следовать народной мудрости – хочешь жить, умей вертеться. Вот и будем вертеться, как ужи на исторической сковородке. Ты работая со своими соплеменниками и с социал-демократами, ну а я, как получивший тело великого князя, с элитой российского общества.

– Слушай, Михась, а ты здорово изменился. Начал думать не только о себе и своём байке, но и о стране. Разрабатывать далеко идущие планы. Не иначе на тебя воздействует интеллект Михаила Александровича. Значит, кроме долговременной памяти, остались часть интеллекта и умение рассуждать от прежнего хозяина тела. Давай-ка протестируем друг друга, чтобы понять, какие изменения произошли в нашем мозгу после переноса в новые тела. Нужно же понять, как изменился интеллектуальный уровень личности, на что можно рассчитывать в этом мире.

И мы начали процесс тестирования: во-первых, стали задавать друг другу каверзные вопросы, чтобы проверить память и сообразительность, а когда перешли к решению логических задач, в дверь постучали. Пришлось остановить процесс тестирования, и я крикнул, что можно войти. Появившийся мужчина лет сорока, одетый, несмотря на жару, в костюмную тройку серого цвета, к тому же держащий в руке небольшую шляпу, открыв дверь, нерешительно остановился у самого входа. Увидев его, я сразу же вспомнил, что просил жену найти нашего управляющего и направить его ко мне в кабинет. Вспомнил я и имя, которое мне назвала Наталья. Поэтому когда мужчина в нерешительности встал в дверях, не зная, куда ему направиться, или к письменному столу, или к дивану, на котором, развалившись, сидели великий князь и его секретарь Джонсон, я воскликнул:

– Ну что же вы, Пётр Филимонович, встали в дверях? Подходите к нам и садитесь вон на тот стул. Шляпу можете положить на секретер. Разговор у нас будет долгий и обстоятельный. Вы, наверное, слышали о вчерашнем происшествии?

– Да, конечно, – ответил управляющий, усаживаясь на указанный стул, стоящий у круглого стола.

А я между тем, обосновывая свою забывчивость и незнание местных реалий, заявил:

– Понимаете, Пётр Филимонович, когда рядом со мной произошёл разрыв шаровой молнии, я упал и, по-видимому, обо что-то ударился головой. Особых травм не получил, но вот с моей памятью случилось что-то непонятное. Некоторые события из собственной жизни забыл полностью. Вот, например, последнюю нашу встречу и о чём мы там с вами говорили, не помню. Отчёт о состоянии моих счетов и имущества тоже вылетел из головы. Расспрашивать об этом жену, которая в курсе всех денежных и хозяйственных дел, как-то не хочется. Так что, Петр Филимонович, прошу подробно доложить о состоянии моих финансов и имущества. На всякий случай Джонсон будет записывать вашу информацию. Вдруг я опять что-нибудь забуду, а вы будете далеко. Ведь война продолжается, и не сегодня-завтра я опять выезжаю на фронт в свой корпус.

Петр Филимонович, ничуть не удивившись моей просьбе (наверное, уже знал о проблемах с памятью у великого князя), начал свой доклад. Кац, тоже не удивившись, что ему придётся записывать приводимые данные, перевернул лист блокнота, в который мы заносили планируемые действия, и принялся туда записывать, какими мы обладаем средствами, чтобы эти действия начинать выполнять. Из этого доклада получалось, что живых денег и ликвидных ценных бумаг было не очень много. Великий князь, конечно, не был беден, но средств для изготовления новых видов вооружения не было. А так хотелось, не обращаясь в военное министерство или непосредственно к Николаю II, взять и предъявить им уже готовый напалм и пару дивизионов катюш. «Но что делать, придется вышибать из государства нужные для осуществления нашей задумки средства», – думал я, выслушивая весьма обстоятельный доклад управляющего. Вывод из этой речи напрашивался простой, чтобы вкусно кушать и красиво отдыхать, денег хватит, а вот что-либо сделать полезное для страны, средств не было.

Когда Пётр Филимонович закончил свой доклад, я завалил его вопросами об уровне цен на продукты в Петербурге и сколько получает один рабочий. Управляющий путался, краснел, утверждая, что нынешние цены и жалование отличаются от тех, которые были до войны. Говорил, что статистику довоенных цен он хорошо помнит, а вот сейчас всё меняется очень быстро и невозможно за всем этим безобразием уследить. Видно, не хотел докладывать великому князю, как война бедственно сказывается на благосостоянии народа. Но всё-таки из Петра Филимоновича удалось выжать некоторые данные. Например, что батон ржаного хлеба сейчас стоит аж пятак, а до войны он стоил 4 копейки. Батон белого сдобного хлеба, который кушают господа и который стоил в предвоенном 1914 году 7 копеек, сейчас взлетел до гривенника. И такое значительное удорожание наблюдается практически по всем видам продуктов. А жалование у людей увеличилось не на много. Прислуга как получала до десяти рублей в месяц, так и получает. А у рабочих дневное жалование возросло копеек на пять-десять, не больше: каменщик сейчас получает в день два рубля, а до войны 197 копеек, кузнец – 233 копейки, а раньше 226; зарплата средней квалификации слесаря составляет 275 копеек, а в четырнадцатом году – 263 копейки в день. По словам управляющего, в связи с войной очень сильно подорожали лошади для повозок. Если раньше средняя лошадка стоила не больше ста рублей, то сейчас просят и сто пятьдесят. Правда, стоимость ломовых (рабочих) лошадей не увеличилась, можно было договориться о покупке такой за семьдесят рублей, как и до войны. Стоимость обычной коровы тоже не увеличилась, как была от 60 рублей, так и осталась. А вот цена свежего молока почему-то возросла в среднем на 2 копейки, и сейчас его можно взять не дешевле 16 копеек

за литр. Из продуктов особо не подорожала только рыба и икра. Окунь стоит – 28 копеек за килограмм; судак – 50; сёмга – 80; осётр – 90.

Лично меня зацепила стоимость килограмма чёрной икры – она по сравнению с жалованием обычного государственного служащего, да и низкооплачиваемого работяги была смешная. Икра чёрная зернистая 1-го сорта стоила 3 рубля 20 копеек за килограмм, а, допустим, паюсная 1-го сорта – 1 рубль 80 копеек. В то же время учителя старших классов гимназий получали от 80 до 100 рублей в месяц, а обычный землекоп от 30 до 35 рублей. То есть получается, что любой получающий зарплату человек мог кушать чёрную икру ложками и не только для куража, а сделать её основным видом питания. Мне чуть не стало дурно, когда я подумал о том, сколько можно было закупить чёрной икры на жалование командира корпуса, оставляющее 725 рублей в месяц. Именно такую должность занимал великий князь. Ну, допустим, командиров корпусов было не так уж и много и жалования их могли, конечно, быть запредельными, но полковников-то было много. Так вот полковник царской армии получал от государя жалование в размере 320 рублей в месяц.

В процессе беседы мой мозг работал, как процессор, ведь Пётр Филимонович оперировал фунтами, а чтобы понять уровень цен, мне приходилось в уме рассчитывать, сколько стоит килограмм продукта. Нелёгкая эта работа, и когда разболелась голова, я прекратил мучить управляющего своими вопросами о стоимости продуктов. Потом шёл разговор о финансах, сначала моих, и главный вопрос здесь был, где же найти средства на возникшие в голове великого князя проекты. Из слов управляющего получалось, что в этом вопросе помочь сможет только император. Кредит у банкиров без надёжного обеспечения сейчас взять было проблематично даже для члена семьи Романовых. То есть я мыслил правильно, придя к выводу, что, только уговорив брата на финансирование идей создания катюш и напалма, можно рассчитывать на реализацию этих проектов. Получалось, что посещение ставки в Могилёве, где сейчас находился Николай, в настоящее время самое главное. И не просто посещение, а установление действительно братских отношений с императором. Кровь из носа нужно было его очаровывать. И не только самодержца, но и людей из его ближнего окружения, к мнению которых император прислушивался. Задача непростая, если учитывать мою прошлую жизнь. Парень я был ершистый и обычно с пеной у рта доказывал своё представление о мире. А тут нужно было, можно сказать, лечь под идиотские представления о жизни и тактике ведения войны. Наверняка же сцеплюсь с начальником генерального штаба Алексеевым, пытаюсь внушить ему проверенную XX веком тактику ведения войны, и, естественно, прослышу прожектёром, которому не стоит доверять государственные деньги. Все эти напалмы, катюши и прочие чудачества сродни идеям великого князя, вроде концентрации сил на узких участках фронта и стремительного наступления, пренебрегая флангами и тылами.

Не смогу я доказать закончившим академию генералам, что не нужно бояться окружения. Подумаешь, отрежут от основных сил, так перед тобой тылы противника и трофейное оружие ничуть не хуже, чем российское. И боеприпасов к нему на тыловых складах полно. Если проникающих ударов будет несколько, то у командования противника просто крыша поедет. Не смогут они найти столько резервов, чтобы заткнуть все образовавшиеся дыры. А наши части в это время будут потрошить тыловую инфраструктуру немцев или австрийков. Несомненно, российская армия способна на такие удары, и это показали действия Брусилова. Конечно, Брусиловский прорыв высосал из России все силы, и теперь такие масштабные операции нам не по плечу. Значит, нужно бить не фронтами, а, допустим, армиями или корпусами. У русского командования, после гибели армии Самсонова, несомненно, образовался комплекс на такого вида операции, но этот комплекс нужно преодолеть. Чтобы хоть как-то сбить революционный накал, с фронтов должны приходить хорошие новости. Пусть победы будут не такими масштабными, как Брусиловский прорыв, но с представлениями XXI века о пропаганде, думаю, можно будет даже малейший успех представить как грандиозное событие. Главное, чтобы на фронте

происходила положительная движуха. Нам бы 1917 год продержаться, а потом немцев задавят, и в 1918 году они капитулируют. Тогда, глядишь, и Николай II останется императором. Как человек он хороший, да если войны не будет, то и царь неплохой. Вон какой у страны до войны экономический рост был, больше, чем у США. Казалось бы, мягкий, не волевой человек на троне, а страна-то развивалась семимильными шагами. Во время катаклизмов он не тянет как царь, а в спокойное время самое то. Я буду биться за трон только в крайнем случае – если брата всё-таки вынудят отречься, то тогда придётся вешать это ярмо себе на шею. Должен быть у России самодержец – в крови у народа это. Если не будет царя, то однозначно начнётся бардак и гражданская война.

Глава 6

Только я хотел наметить своё поведение при встрече с царём, как ход мыслей сбился. Монотонный бубнёж Петра Филимоновича прекратился. А под него так хорошо думалось. Пришлось возвращаться в реальный мир, где нужно действовать, а не размышлять. Первое, что я увидел в реальном мире, это глаза управляющего, они смотрели на меня вопросительно и как-то беспомощно. Ещё в армии жалеть подчиненных меня отучили, а оказать помощь я мог только загрузив бедолагу каким-либо делом. Вот и сейчас командирским тоном распорядился:

– Пётр Филимонович, сейчас поступаете в распоряжение Натальи Сергеевны. Окажите всемерную помощь жене в подготовке к отъезду в Англию. После того как она уедет, поступаете в распоряжение моего секретаря Джонсона. Все доходы от моих имений и дивиденды от ценных бумаг будете передавать ему в тот же день, как получите. И ещё, постарайтесь найти банк, где можно будет взять кредит под залог какого-нибудь имения, можно даже Брасово или дома в Петрограде. Деньги, Пётр Филимонович, срочно нужны для производства нового вида вооружений. Если мы опередим немцев в производстве этого чудо-оружия, то тогда выиграем войну, и все затраты вернутся сторицей. Сами понимаете, в этом деле раскачиваться нельзя, у немцев слишком хорошие мастера, и они смогут быстро наладить производство нового оружия. Хотя это наши военные инженеры придумали это оружие и передали чертежи мне, но немецкие шпионы могут всё пронюхать. Вот я и хочу не передавать документацию в военное министерство, а на свои средства изготовить это чудо-оружие. Чтобы оно, как снег в июле, обрушилось на супостата. Только доверенные люди, вроде тебя, Пётр Филимонович, могут быть допущены до этих секретов. Понял, Петр Филимонович, как я тебя ценю, и что Россия ждёт от тебя помощи? Кроме поиска денег, нужно, чтобы ты молчал, для чего они нужны великому князю. Сошлись там на большой карточный долг или ещё на какую-нибудь причину. Ты понял, Пётр Филимонович?

– Да-с, Михаил Александрович! Приложу-с все усилия! Понимаю я, как тяжело сейчас России и вам. Вон даже свои деньги готовы тратить на благо православным. Я тоже хочу отдать на это оружие свои накопленные деньги. У меня их, конечно, немного, но пять тысяч рублей готов!

Меня тронули слова управляющего, и не только меня, обычно невозмутимый Кац воскликнул:

– Петр Филимонович, вы истинный патриот России!

Чувствуя, что мой друг вот-вот разразится пафосной речью в стиле ХХI века, я перехватил разговор на себя, сказав:

– Спасибо, Пётр Филимонович! Ваш поступок навёл меня на мысль попытаться собрать деньги на новое оружие среди патриотично настроенных подданных императора. Вы человек проницательный и, по моему мнению, способный определить, стоит ли человеку доверять секреты. А значит, вполне сможете провести среди своих знакомых работу по сбору средств. Поручаю вам эту деятельность с сегодняшнего дня. Собранные средства будете отдавать тоже Джонсону, под расписку. Я вскоре опять отправляюсь на фронт, так что всеми делами по производству образцов нового оружия будет заниматься мой секретарь. Вы, я думаю, понимаете, что это не благотворительность, и не надо при сборе средств говорить о раненых и пострадавших от войны людях. Это всё банально. Упор делать на оружие победы. Чем быстрее оно поступит в армию, тем быстрее закончится война, и нашей победой.

Мысль о сборе средств у местной буржуазии возникла спонтанно и показалась мне весьма интересной. Неизвестно, как сложатся у меня отношения с Николаем II и высшим командованием армии, а деньги нужны. Может быть, не вызову я у них доверия. И это скорее всего. Наверняка большинство из окружающих Николая генералов считают Михаила Александровича

вича неадекватным, несерьёзным и легко увлекающимся человеком. Который, будучи регентом, наплевал на интересы государства, увлёкся юбкой и вступил в морганатический брак. Для этого даже специально сбежал в Вену, чтобы обвенчаться в сербской православной церкви с бывшей женой подчиненного, поручика Вульфберта. Думаю, для императора это был удар ниже пояса. Даже готовность великого князя сражаться за Россию вряд ли сняла у императора весь негатив против брата. Так что ожидать денег на блюдецке с голубой каёмочкой вряд ли стоит. Сбор средств у местных богатеев хорошее дело, тем более что полученные деньги в конечном счёте пойдут на их же спасение. Наверняка сбор средств на новое вооружение не останется незамеченным германской разведкой. Ничего страшного – пускай немцы знают, что русские собираются оснащать армию каким-то чудо-оружием. Не помешает, если немецкая агентура начнёт судорожно разыскивать мифических военных инженеров.

Неизвестно, удастся ли нам с такими отрывочными знаниями о вооружении изготовить те же самые катюши или напалм. А тут только на слухах, что русские собираются внедрять новые виды вооружения, можно добиться спокойствия на фронтах. Немцы и австрияки будут опасаться наступать – вдруг русские применят своё страшное новое оружие. А что в их головах оно будет непременно страшное, то это однозначно, психология, мля. Те же агенты будут сообщать наверх разные ужасы про новое русское оружие, чтобы скрыть свои недоработки. По-любому тому же Николаю и генералам из Генштаба придётся сообщать данные о напалме и «катюшах», а у немцев наверняка там есть агентура. И все эти данные вскоре окажутся на столах немецких и австрийских генералов. Так что пострашней нужно рассказывать об эффекте применения напалма и катюш. В идеале бы продемонстрировать, как напалм прожигает дыры в бронелистах. Если противник будет убеждён, что русские действительно имеют новое эффективное оружие, то будут вести себя аккуратнее и тише. Перебросить силы с запада для нейтрализации нового оружия Германия вряд ли сможет, а значит, сядет в глухую оборону. Нам это и нужно – можно сосредоточиться на внутренних делах. Потихоньку начинать демобилизацию проблемных частей, особенно дислоцированных в Петрограде. Поэтому нужно расширять круг людей, занимающихся новым оружием, по крайней мере, участвующих в его финансировании. Утечка сведений к противнику, как ни странно, сыграет нам на руку. Только этот своеобразный блеф нужно делать на реальных разработках нового оружия. Понятно, что в условиях нарастающего развала всего, что только можно, организовать промышленное производство боезарядов для катюш и напалма страна не в состоянии, какие бы мы деньги ни собрали для этого. Так что наши знания, полученные в XXI веке, годятся тут только для хорошего блефа, не более.

Все эти мысли пронесли в голове достаточно быстро. А пока я размышлял о пользе утечки сведений о производстве русскими нового оружия, Кац, наоборот, пытался сузить круг лиц, которые узнают о разработке Россией новых видов вооружения. Он составлял с Петром Филимоновичем список лиц, которым, за их же деньги, можно доверить информацию о новом оружии. При этом отговаривал управляющего обращаться к человеку, у которого была нерусская фамилия, но чисто еврейские он пропускал. Одним словом, совсем не толерантен был нынешний подданный Российской империи Джонсон, а до переноса в это время – Кацман.

Пришлось вмешаться в эту деятельность моего друга. Предварительно подтолкнув ногой сидящего рядом Каца, я сказал:

– Пётр Филимонович, я думаю, ничего страшного не случится, если деньги на новое оружие будут давать и этнические немцы. Они тоже подданные Российской империи и вправе помочь ей в тяжёлую годину. И истинных патриотов страны среди немцев немало, в этом я убедился на фронте. Да и вообще шила в мешке не утаишь. А если тот же промышленник Шульце узнает от своих друзей, что к нему не обратились с предложением хоть как-то помочь русской армии только из-за того, что он немец... Из-за опасения, что сведения о новом оружии могут быть переданы Германии. Это будет настоящим оскорблением для честного человека, законопослушного подданного Российской империи. В целом для страны будет катастрофа,

если начнут делить подданных на принадлежащих к титульной нации или нет. Все мы плывём в одной лодке, и грести должны тоже все. Вот я русский, а командовал дивизией, в которой служат девяносто пять процентов людей, не относящихся к титульной нации, и при этом к тому же мусульман. И что, они плохо воевали? Далеко нет, дивизия одна из лучших в Российской армии. Кстати, новое оружие разработал инженер с нерусской фамилией – Кацман. Так вот... господа хорошие – не надо грязи против не титульных наций. Каждый подданный империи должен чувствовать, что царь это любящий отец, который глотку перегрызёт любому, кто покусится на его сына или дочь. Вот тогда империя будет непобедима, а её сыны будут гордо говорить, что они русские, в любой точке мира.

Услышав одобрительное поддакивание управляющего, я, обращаясь к нему, распорядился:

– Петр Филимонович, начинайте собирать деньги и выбирайте жертвователей по своему усмотрению. В Джонсоне сработало обычное англосаксонское лицемерие – на словах они за равноправие национальностей, а на деле поддерживают и доверяют только своим – англосаксам. У русских менталитет другой – мы объединяемся с любой нацией, которая считает Россию родиной и готова проливать за неё свою кровь. Ладно, Пётр Филимонович, не буду вас задерживать, одновременно с основной работой и помощью Наталье начинайте деятельность по сбору средств для изготовления первой партии нового оружия.

Когда управляющий ушёл, Кац накинулся на меня со словами, что я сам себе противоречу. Говорил, что разработка секретная и доверять сведения о новом оружии можно только надёжным людям. При малейшем намёке на то, что человек не совсем патриот, с ним лучше не иметь дела. Пришлось рассказать Кацу о своих размышлениях и о том, что нам, в общем-то не нужна секретность. Нужен просто миф о ней. Чтобы раздуть его до немыслимых размеров, стоит всячески пиарить возможности нового оружия. Услышав плод моих размышлений, Кац воскликнул:

– Михась, ну твоя психология точно изменилась! Кошерно начал мыслить!

Я в ответ усмехнулся и заметил:

– Правильно – с кем поведёшься от того и наберёшься! Ладно, Кац, хватит показывать друг другу чувство юмора – делом нужно заниматься. А то я же знаю, мы можем с тобой хохмить до того самого момента, когда прибывший наряд Петросовета предложит нам прокатиться в Пермь.

Несколько минут поболтав на отвлечённые темы, мы опять начали обсуждать устройство катюши. Я даже начал рисовать схемы основных её узлов. Конечно, исходя из моего понимания принципа работы реактивной установки залпового огня. Кац в это время корпел над эскизом её снаряда. Я когда работал, продолжал размышлять, куда всё-таки обратиться, чтобы свои достаточно дилетантские схемы доработать в нормальные чертежи изделия. Ну, этот вопрос, в общем-то, решаемый – наверняка найдутся инженеры, чтобы, ориентируясь на рисунки великого князя, начертить установку и грамотно всё рассчитать. А вот где найти предприятие, способное в сжатые сроки изготовить установку целиком? И есть ли в этом времени грузовики, на шасси которых можно смонтировать установку? Припомнив немного историю этого времени, я решил, что особо волноваться не нужно. Всё-таки в Питере мощная промышленность – один Балтийский завод чего стоит. Да и автомобили в 1914 году в России производились. Про «Руссо-балт» я точно помнил. Да что тут париться – не подойдут наши автомобили, купим у американцев. Они будут только этому рады и даже продадут члену Антанты их в кредит. А в России даже крупный питерский завод, под завязку загруженный военными заказами, не откажет великому князю в изготовлении нескольких опытных образцов нового оружия.

Успокоив себя такими мыслями, полностью погрузился в отображение артиллерийской части боевой машины. Я, естественно, не мог точно скопировать схему устройства настоящей БМ-13, так как видел её только в музее. Но зато в армии, в своём артиллерийском дивизионе,

я насмотрелся на «Грады». Даже как-то принял участие в ремонте подъёмного и поворотного механизмов. Даже сейчас помню, как меня, бывшего тогда ещё желторотым салагой, контрактники, занимающиеся этим мелким ремонтом, заставили чуть ли не вылизать места, где им предстояли ремонтные работы. Боялись, что испачкают свою рабочую одежду. За испачканную мою одежду я, конечно, получил компенсацию – разрешили смотреть, как регулируются механизмы винтового типа, и даже иногда я подавал им чистую ветошь. Вот сейчас я и зарисовывал запомнившуюся поворотную раму в трёх ракурсах, только вместо направляющих «Града» изобразил двутавры музейной катюши. Натренировавшись на чертеже габаритной поворотной рамы, приступил к схематичному изображению пакета направляющих. Чисто эмпирическим путём пришёл к мысли, что длина каждой из восьми направляющих – 5 метров. Как только перешёл к электрической части, а именно вырисовывал пакет проводов, идущих от переключателя, находящегося в кабине, к пиросвечам реактивных снарядов, раздался стук в дверь. Вошедшего парня я уже знал, это был мой денщик Василий, кстати, георгиевский кавалер. Он, наверное, кем-то обученный, громко объявил:

– Ваше высокопревосходительство, прибыл председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне господин Гучков Александр Иванович.

Видя моё удивлённое лицо и зная про вчерашнее происшествие, в результате которого великий князь частично потерял память, Василий уже гораздо тише произнёс:

– Господин генерал, вы ещё позавчера запланировали визит этого Гучкова в двенадцать часов. Что-то связанное с Особым совещанием по обороне, где вы тоже состоите. Ради этого визита вы даже обед перенесли на два часа.

– Ладно, Василий, зови этого господина.

Вообще-то про Гучкова я слышал. Где-то читал, что он был довольно активным членом Государственной думы. Именно он вместе с Шульгиным принимал в Пскове отречение от престола Николая II. Вошел в первый состав Временного правительства (военный и морской министр), но в апреле 1917 года подал в отставку, так как не мог противостоять анархии и развалу армии. После Октябрьской революции активно боролся с большевиками. Консультант А. И. Деникина по политическим вопросам, был направлен в Европу как представитель Белого движения. Участвовал в организации поставок британских вооружений и снаряжения для русской Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. Но сейчас эта информация из XXI века была для меня малоинтересна, а вот то, что Гучков является председателем Центрального военно-промышленного комитета, это было очень перспективно. Можно сказать – на ловца и зверь бежит. Я подумал: «Вот этот деятель и поможет запустить в производство катюши и напалм. Может, ещё и денег добудет у местных воротил. Вроде бы я читал, что он пришёл в Думу из банкиров – был директором “Московского учётного банка”». Я уже начал в голове строить комбинации, каким образом заставить этого бывшего банкира пощипать российских обеспеченных людей на благо страны. То есть начал думать, как воспользоваться методами «МММ» в России 1916 года. Но мои размышления были прерваны появлением представительного мужчины лет за пятьдесят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.